

25-го октября 1928 г.
П Р А Г А

КАЗАЧЕСТВО
КОЗАЦТВО

22

22

ВИЛЬНЕ
ВОЛЬНОЕ

25-го жовтня 1928 р.
П Р А Г А

ОГЛАВЛЕНИЕ.

1. *Олесь*: * * * Вірші.
2. *Гнат Макуха*: * * * Вірші.
3. *М. Забігайло*: Чоловік дуже став розумний...
4. *С. Ф. Лантух*: Провели.
5. *Я. Лопух*: * * * Вірші
-
6. Самоопределение народов и „Вашингтонская декларация“.
7. *И. Билый*: Казачьи Земли.
8. *О. Долинский*: По поводу 10-летия Ч.-Сл. Республики.
9. *Медарь Сем.*: Переселення Чорноморців на Кубань.
10. *В. Вазагов*: Соседи Казачества.
11. *Инж. Т. В.*: Экономика и проблема самостоятельности.
12. Кубань в большевицком зеркале.
13. Думы и мысли Казачьи:
В. Куртин: Брати мої, сини мої...
Д. Андрієвській: Козацька нація.
14. В СССР.
15. Казачья эмиграция.
16. В Казачьих Землях.

Почтовый ящик

журнала „Вольное Казачество — Вільне Козацтво“.

Болгария. — И. Г. — За поздравление большое спасибо. Привет Вам!

Бразилия. — С. С. — Листа В. від 25-IX одержали. Вірші те ж. За газети дякуємо. „Замбі“ чекаємо — Правда Ваша — в слухний час козаки будуть самі знати, що їм робити. Вітаємо Вас!

Увалы. — П. Б. — Просьба исполнена.

Прага. — В. Д. — Брошюра Ваша получена. Благодарим.

Париж. — А. Л. — Письмо Ваше получено. К сожалению, просьбу Вашу не можем исполнить, т.к. ни „положения“ ни „инструкции“ достать в Праге нет никакой возможности. Подробности письмом. Привет!

Ковель. — Г. Ч. — Просьба исполнена.

Югославия. — М. З. — Письмо Ваше получено. Получен и „Охрім“. Описание „поездки“ будет интересно. Если журнал „возродил... вас... к новой, интересной жизни“..., то такие письма, как Ваши, „піддають і нам духу“... Просьбу Вашу охотно исполняем. Ждем дальнейший материал. Бувайте здорові та кріпкі!..

Жевнице. — С. Ш. — Листа вашого дістали. На жаль, розміри нашого журналу не дають нам можливості надрукувати його весь. Можемо лише зауважити, що очевидно, не все Ви в нашому журналі зрозуміли так, як ми самі справу розуміємо. Тому, гадає-

мо, багато в Вашому листі і є побудоване на цьому „непорозумінню“.

Польша. — В. А. — Вашу інтересну брошюру одержали. Сердешно дякуємо.

С. Н. С. — П. К. — Ваше очень интересное письмо получено. Думаем что на многие из затронутых Вами больших вопросов ответы уже имеются в „В. К.“; на некоторые иные — можете ответить только будущее — жизнь! Мы в свое дело прежде всего верим. О другом — в письме. Привет Вам!

Париж. — П. — Книги получены.

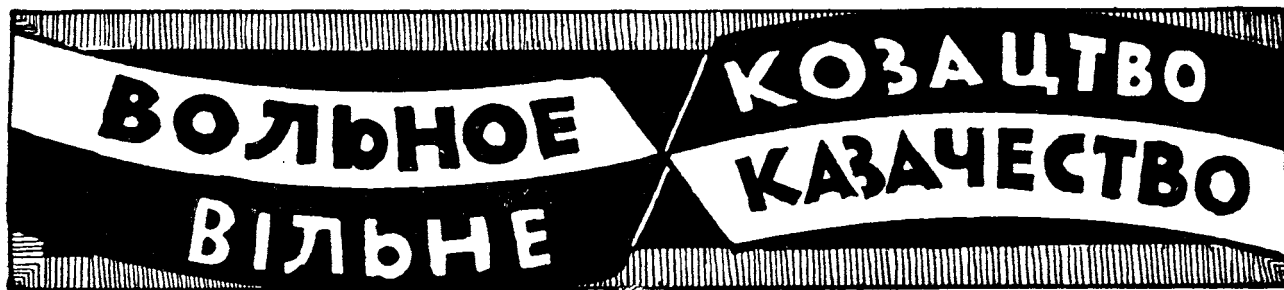
Берлин. — У. Институт. — Одержали. Дякуємо.

Ужице. — А. Г. — „Куб. Старина“ получена. Ответ — письмом. Привет!

Прага. — Т. — Ваше любезное указание весьма пригодилось. Спасибо.

Югославия. — А. С. — Ваш рассказ „К. родная“ получен. Мог бы быть напечатан и под псевдонимом, но настоящую фамилию автора и его адрес редактор должен знать. Он может гарантировать Вам абсолютную тайну. Тем более, что о некоторых моментах рассказа нужно бы было обменяться письмами. Привет!

Г. Ореховица. — И. В. — „Восстание“ получили. Воспользуемся в одном из следующих номеров „В. К.“

Двухнедельный журнал литературный и политический.

Под редакцией И. А. Билого и М. Ф. Фролова.

Редакция и контора: Praha-Žižkov, Jagellonská 24, Tchécoslovaquie.

Почтовый текущий счет в Чехословакии 303.997.

№ 22

Прага, четверг 25-го октября 1928 г.

№ 22

О. Олесь.

* * *

Літо. Свято. В місті тиша —
Наче вимерло в цю ніч. !
Думка втишена ясніша,
Серце, нерви спокійніш.
З міста виїхали люде
На річки, в поля, в ліси,
Щоб надихалися груди.
Щоб набралися краси.
І враз... як ніж отруйний, гострий в груди...
Ах, це ж — могила, це — труна!
Життя десь там, де рух, де люде,
Де рідна сторона!
Закопаний в землю лежу я тут роки,
Тут тліє мій мозок і серце моє,
А десь надо мною бувають потоки,
І сонце каскадами золота б'є!
Земля, вода і сонце злилися, з'єднались
У творчих процесах життя...
Там квіти уперше світам засміялись,
Там зерна, здригнувши, встають з забуття...
Там, там лише духу вернулась би сила,
Там, там лише в гору летів би він знов,
А тут він волочить опльовані крила,
Як ранений лицарь свою хоругов...
В могилі я... знаю, вже бачу: в могилі...
Устати б, розперти, розбити труну, —
Не можу! Не хочу! О, любі, о, милі,
Не можу вернутись в свою сторону!
Не можу... хоч Мати
Зве сина в огні
В останнє обняти, —
Несила мені!!
Ах, вечір би швидче! Він тишу цю збуде,
На вулицях, в вікнах запалить огні, —
Піду я дивитись як бавляться люде
Холодні, чужі і далекі мені.

Гнат Макуха.
(Югославія)

* * *

Мені не жаль, що у чужині
Даремно трачу свої роки.
В сорочці драній і в свитині
Блукати в світі буду, доки
Мене і в землю загребуть
В селі чужому, де небудь.
Про те про все мені байдуже.
Мені не жаль, що все, що мав,
Взяли і більш його не буде;
Про що я мріяв й що співав,—
Теперь лихі сміються люде...
Мені не жаль, не жаль сього,
Хоч й не повернеться воно:
Не плаче серце за тим дуже.
Мені не жаль, що я чужий,
Що наймит звався і буду зватись,
Що може з торбою, старий,
Я буду по світу блукати, —
Чужа хатина привіта,
Сухий той хліб, свята вода, —
Про діда сивого скрізь буде...
А жаль мені, що край мій рідний
Москаль посів і обдирає;
Що на хресті розп'ятий, бідний
Він тихо, мовчки помирає,
І мало є в нього синів,
Які б московських тих катів
Чужими хоч на сміх назвали.
Та жаль мені... ох, жаль... тай дуже!
(Коли згадаю, то й с сльозами),
На тих братів, яким байдуже,
Що Край в ярмі, а над братами
Панує „красний“ ще москаль.
На сих братів, о, Боже, жаль!..
Вмираючи, їх лаять буду.

Мартин Забігайло.
(Югославія).

Чоловік дуже став розумний, — аж під самим небом літає; через що-ж то бідна земля в крові та в сльозах затопає?

I.
В старину,
Давнину
Од душі до Бога
І пряма
І легка
Всім була дорога.
Молоді
І старі
Всі гріха боялись;
Того зла
Без числа
Дуже всі цурались.
Доброту,
Простоту,
Тоді всі хвалили;
Віру, честь,
Яка єсть.
Берегли й любили.
А любов
Так, без слів,
Була, як те свято:
Хоч ума
В чім нема, —
Серденька багато.
В старину,
Давнину
Всім була наука,
Який дід
Заповіт
Передав онукам;
В старину,
Давнину
Звичаїв держались:
Що дід знав,
Научав,
Того шанувались.
Тим батьків,
Матерів
Діти почитали;
Старикам,
Як панам,
Шапку всі знімали.
Тоді рід,
Увесь плід
Тим були й живучі,
Що сімья
Та рідня
Вся держалась кучі.
За дідів,
За батьків
Всі сини і дочки,
Всяк хватавсь,
Та державсь,
Як курчата квочки.
В старину,
Давнину
Всі любили Бога;
До небес,
До чудес
Всім була дорога;
В старину,
Давнину
Люде віру мали,
Небеса
Чудеса
Часто посилали.
Бачив люд
Всяких чуд
В старину без ліку;
Єсть примір
Разних вір

Ще спокон віку;
Росказать,
Записать
Не достало б мочі,
Хоч кажи,
Хоч пиши
Цілі дні і ночі,
Всіх чудес,
Що з небес
Бог послав народу,
Чи в біді,
Чи в нужді,
Чи в яку пригону.
Скільки мир
Має пир,
Як би всі зібрали,
Писярів
Всіх країв
До кучи зігнали,
Так і ті
Чуда всі
Не можуть списати,
Бо скрізь люд
Всіх усюд
Має що сказати:
Татарва,
Циганва
Свої чуда знає;
Черкесня,
Колмишня
Про те ж розмовляє;
Осетин
І грузин
Чудеса роскаже;
Азіяг,
Та й наш брат, —
Всякий своє скаже.
Увесь світ
З давніх літ
Усе шукав Бога,
При нужді
Та біді
Щоб була помбга;
І з тих пір,
Як цих вір
Розвилось багато,
Як-не-як,
Має всяк
Своє чудо й свято.

II.

Не про те
Річ іде,
Де які єсть віри,
Як живуть
Де небудь
Нехристи-невіри;
Річ про те,
Що не те
Вже на світі стало:
Тепер люд
Не жде чуд,
Бо вже вірить мало.
У наш вік
Чоловік
Всяке диво робить,
Мов з небес
До чудес
Розумом доходить:
І земля,
І вода
Чоловіку служе;

Пара й дух,
Мов у плуг
Запряжені дуже;
Вітерок,
Огоньок
І всі сили Божі
День і ніч
На всю міч
До роботи згожі.
В його дріт
Увесь світ,
Ще од Франклина,
Заснував,
Зав'язав,
Як та паутина;
І той дріт
Скільки літ
Світить і балака,
І несе,
І везе
Краще, як коняка.
Пару він
Взяв у плін:
Чим летить до неба,
По землі
Й по воді
Тягне, куди треба.
Він на віз
З двох коліс,
Як на коня, сяде,
Тай біжить.
Мов летить,
Аж серденько раде.
Другий віз,
Як той біс,
Бо ще й крила має,
А летить,
Торохтить,
Аж де сонце сяє.
Всіх новин
Та машин
Без числа, без ліку,
Що не сплять,
Не їдять, —
Служать чоловіку:
Одна тче
І пряде,
Та всіх зодягає;
Друга гра
Та співа, —
Душу звеселяє;
Та летить,
Рже, свистить,
Огнем, димом чмише;
Ця стоїть
Та мовчить, —
Щось розумне пише.
Ті дива
Не слова,
А правдонька суца,
Всім на жисть,
На користь
Сила невсипуца.
Коли б хто,
Що літ сто,
Як ліг у могилу,
Та упяць
З труни встать
Мав би таку силу,
Той тепер
Знов би вмер
І більш не піднявся:

Так би він
Тих новин
І чудес злякався!
З яких літ
Увесь світ
Дуже став чудесний;
Вся земля
Росцвіла,
Як той рай небесний;
Увесь світ,
Мов би цвіт,
Росквічався пишно:
Де не стань,
Як не глянь, —
Весело, утішно;
А добро
Без числа,
Усім би достало,
Тільки жить,
Всіх любить
І горенька мало;
Про нужду
Та біду
І не споминати,
Ні болить,
Ні хворить
Тільки щастя знати.
Тут би знов
Мир, любов
Були найдороже,
В небесі
Й на землі
Було-б царство Боже.

III.

Чого ж скрізь
Гірких сліз
Так багацько льється?
Чого зло
Верх взяло
Та з людей сміється?
Де сини
Соколи,
Що так тужит мати?
Чом сиріт
Повен світ
Без хліба й без хати?
Що ревуть
Та гудуть
Пушки бомбомьоти?
Торохтять
Та свистять
Ружжа й пулемьоти?
Ой скажіть,
Роскажіть,
З якої напасті
Отой флот,
Ще й дреднот, —
Душогубні снасті?
Чого знов
В світі кров
Довго-довго льється,
А те зло
Верх взяло,

Дуже з нас сміється?
Росказав
Дописав
Я як раз до краю:
Що казати,
Що писати,
Уже й сам не знаю.
Добру склав
Загадав
Сам собі загадку,
Де ж піду,
Як найду
На усе розгадку?
Вже питав
І прохав
Я людей учених,
Дать одвіт,
Хоч совіт
У словах-мученнях,
Та усяк
Неборак
На такій речі,
Хоч бурчить,
Хоч мовчить,
Тільки здвигне плечі.
Бо й давно
Так було:
Де серце питає,
Там ума
В нас нема, —
Кебету немає!
Що ж питати,
Що й прохати, —
Розум не поможе;
Дасть одвіт
І совіт
Тільки слово Боже.
Тисяч дві
На землі
Вже минає років,
Як тут жив
Боижий Син, —
Більший всіх пророків;
Він ходив
Та учив,
Що любов та віра,
Всяке зло
Що прийшло,
Вижене із мира.
На увесь світ
Заповіт
Він прорік словами:
„Хай любов
Та любов
Буде поміж вами“.
А за ним
Нам усім
Апостол Ісусів,
Що б те знати,
Написати
У законі мусів:
„Що цей світ
З давніх літ
Без Бога мудрує,
Все дарма

Як та тьма,
Безумне і всує“.
Ті слова
Не слова, —
Господне віщання.
Ті слова
Не слова
То Божі глаголи:
Згибне люд,
Як той бруд,
А вони — ніколи!
Тай Надсон,
Мов крізь сон,
Чуткою душою,
Розгадав
Та й сказав
Думкою святою,
„Друже мій,
Брате мій,
Змучений без міри,
Хто ти єсть,
Де ти єсть, —
Держись кріпко віри;
Нехай зло
Верх взяло,
Та з людей сміється;
Нехай знов
В світі кров
Та невинна льється,
Вір і знай,
Скоро край:
Злу не воскресати,
А любов
Прийде знов,
Щоб тут царювати.
Не з хрестом
За плечем,
Не в важких кайданах,
Не в вінці
На главі
Із терну і в ранах;
Вона в мир,
Мов на пир,
Прийде, як цариця,
Та в серцях
У людях
На-вік воцариться.
Ні нужди,
Ні біди
Тоді вже не буде,
Воювати,
Убивати
Перестануть люде“...
Тоді світ,
Як той цвіт,
Стане знов чудесний.
Проросте,
Зацвіте,
Як той рай небесний,
А любов
Буде знов
Людям найдороже, —
В небесі
Й на землі
Буде царство Боже.

С. Ф. Лантух.

Провели.

(Окончание)*)

Чуяло старое сердце, что что-то затаенное, неладное лежит на душе у покорной на вид девчурки и давно уже с нетерпением поджидала „теща“ ответ на письмо к Муркиному отцу, целых пятнадцать лет не издавшего

дочери. Давно уже хотел отец увидеть свою девочку, да не пускала ее тетя — старая Зося не могла переваривать мачеху, „кацапку“ заменившую ее умершую сестру. Только теперь решила старая послать Мурку к ее отцу, подальше от греха и соблазна, к свинцовым берегам далекого Балтийского моря. Не верила уже

*) См. №21 „В. К.“

она, что этим летом Гей вообще пойдет в какой-нибудь лагерь (было же так два года назад), а теперь сам командир сказал судыхе, что сотник нужен в батальоне и как ктитор, и как хозяин собрания и делопроизводитель суда, и как разведчик и для работ по мобилизационному плану и для всего того, что может и должен тянуть двухжильный пластун.

И дождалась... Как снег на голову свалилось на Мурку с Геем известие о готовящейся поездке дочки в Ригу. Говорила старая, что из Тифлиса поедут на Балтику родственники и возьмут Мурку навестить отца; сама же старуха захотела проводить ее до Тифлиса.

Долго сидела у окна встревоженная Мурка, поджидая идущего со службы Гея и, завидя знакомую фигуру, условным знаком направила его в церковный садик, из которого так удобно было незамеченным наблюдать окна аптеки, а сама быстро, быстро заговорила немой „семафорной“ азбукой, сообщая полученную новость. И девицы и Гей не раз переговаривались ею, не имея возможности громко поговорить друг с другом. — „Голь на выдумки хитра“ — научился и он немым знакам институтской азбуки, а они в свою очередь великолепно принимали и передавали и военную сигнализацию флагами и постукивания сигналов Морзе. Не раз доставалось девчаткам за вызванивание по бочкам и тарелкам да за перестукивание ножами за столом во время званых обедов и ужинов; точка — тире — точка... только посвященным открывали тайный смысл ритмических ударов.

Через пару часов попозже, когда утомленная непрестанными хлопотами тетушка слабо посапывала по сытом обеде, стоял Гей у окошка соседнего домика и строил планы с Муркой, забравшей на минутку к его хозяйке, молодой грузинке, их сообщнице.

Близость отъезда не так смутила их, — все равно через неделю батальон покидал свою штаб-квартиру, а с ним уходил в лагерь на турецкую границу и Гей, но уж очень не хотелось им, чтобы тетка ехала в Тифлис провожать Мурку. И надумали они подстроить так, чтобы только вдвоём с Геём проделать им эту дорогу. — Только заболел Шлемка и мама крестная не сможет выехать. Но как же сделать, чтобы Шлемка заболел дня на два, на три в такой критический момент?

Дрожал провизор над своим хилым здоровьем и трясся... не трудно было расстроить его здоровье участливыми распросами и опасениями; мог бы и союзник Стася — Муркин брат подмешать провизору слабительного в пищу, да жаль было пугать добряка по „справдишному“, и решено было открыться ему во всем. Вызвали Шлемку потихоньку, выложили свои планы на чисто и убедили его слезь в постель ко дню отъезда. Как ни боялся провизор своей патронессы, а охотно согласился участвовать в заговоре: рад был хоть чем-нибудь подкузьмить строгую старуху не очень то жаловавшую „Шлемку“; даже, рыжая выщипанная борода запрыгала у него от удовольствия и по весу скатым щекам покатались слезы от душившего его скрытого смеха. При мысли, как будет „рвать и метать“ старуха и как Мурка поедет с совсем не тем провожатым, Шлемка подвизгивал и приплясывал.

Все приготовила старая в дорогу, все уложила и письмо написала вперед сестре, уведомляя о своем приезде, — сама Мурка носила его на почту, да начал вдруг Шлемка жаловаться на боль в голове и резь в желудке, — страдал ими и раньше бедняга... Целый день ходил, кряхтел, постанывал, а к вечеру и слег, как раз накануне своего дежурства.

Мрачна была старая, но не сдавалась, все твердила, что поедет с Муркой. Не сдавалась, она и на следующий день, день назначенного отъезда. Охающий при появлении чужого, в его маленькой коморке, Шлема не встал рано утром с постели, блаженно вытягивался в одиночестве — любил поваляться провизор, да уж больно строга была аптекарша, не давала понежиться в другое время.

Все надеялась старуха, что поднимется Шлема, не сдавалась — с утра послала девочку заказать два билета, для себя и для Мурки, на широкий, неуклюжий омнибус, два раза в день, за рублевку, возвизший

на мцхетский вокзал обывателей городка и его околиц. Но и Гей не оставил этот Ноев ковчег без внимания, хоть и не верил, что выедет в нем старуха. На извод пошла борьба — кто кого перехитрит и пересилит...

Не встал Шлемка и после обеда, даже к столу не пошел, попросивши еду к себе в коморку, — так сильно страдал он от припадков головной и желудочной боли; но не поддавалась старая...

В четвертом часу вышла из аптеки к омнибусу целая процессия — родные и знакомые провожали Мурку и старуху, совсем как-будто собравшуюся в дорогу — в старомодной шляпке и накидке-пелеринке с зонтиком в руке, направлялась она через площадь к стоянке, хотя облачное небо не предвещало ни дождя, и не пропускало палящего солнца, а вчерашний дождик прибил надобро глубокую пыль.

Гей по домашнему, попивая послеобеденный чаек, сидел с приятелями у себя на балконе и посматривал на пересекавшую площадь группу. Завяли в воздухе белые платочки девиц и поднялись шляпы мужчин в ответ на его приветствие. Отвечая им, Гей кланялся глубоко, как бы прощаясь с Муркой и посылая воздушные поцелуи. Аптекарша не видела, только судыха теребила за плечо свою дочку, отварачивая ее в сторону от балкона. Во дворе уже стояли нетерпеливые поседланные кони.

У винного духана — омнибусовой конторы, толпились с сумами и „сидорами“ обычная в летнюю пору кучка казаков, как бы едущих в отпуск и провожающих их; бойкий Мишка, вестовой Гея, еще с утра закупил для них билеты: на десять рублей разорился сотник для захвата всех мест.

Расторопный урядник, увидя идущую группу, вмг рассадил казаков по местам: десять разведчиков важно расселись по скамейкам. Все было ботово к отъезду, когда подошла старуха — два свободных места так и ждали их; для группы припоздавших грузин и армян не было уже ничего, только одному почтенному торговцу удалось примоститься на переданный впоследствии билет аптекарши.

Бойкий Мишка, глаз не спуская со старухи, все время крутился среди казаков.

Кондуктор протрубил сигнал к отъезду, из духана высыпали любопытствующие бездельники, началось прощание; целуя Мурку, старуха выражала свое сожаление, что не может проводить ее дальше — все места де были проданы и заняты и она просила старого почтенного торговца усадить ее дочку в поезд и довести до Тифлиса.

Щелкнул кнут и колеса тяжелого ковчега, с „двенадцатью мучениками“ в нем, загромыхали по булыжным камням убойственной городской мостовой.

— Ваше благородие! Бабка осталась! доложил сотнику Гею, пулей принесшийся, запыхавшийся Мишка.

От казначейства, места подсаживания запоздавших пассажиров, бежал другой казак.

— Барышня сами поехали! сообщил он сотнику. Возвращавшиеся к аптеке провожатые еще видели Гея за чаем на балконе; ничто не привлекло подозрения старых мамаш.

За десяток минут прилетел и конный дозорный с шоссейного поворота, до которого бывало доезжали провожающие приятели и родные.

— Бабки нема, Ваше Благородие! — был его доклад.

Минута... и задней уличкой на перевез горы, к широкому шоссейному обьезду, с трехдневным отпуском в кармане, спешил широкой рысью Гей на своем золотистом Лорде, Муркином любимце, не раз тягавшем с ее окон кусочки приготовленного нежною рукою сахара, а за ним несея ординарец на, в кольцо свивавшемся, Чутком.

Выскочили на гору у дальнего „провожающего“ и остановились; стал там и громыхавший омнибус, а из него высыпали десять смеющихся „отпускных“ разведчиков и, получивши „синенькую**“) на вино, отпра-

*) Пятирублевку.

вились в духан п'ять за здоров'я от'езжающей „нашей“ барышни и своего сотника.

Одинокий пассажир-опекун „кацо“, чувствуя себя неловко в опустевшем омнибусе, пересел к ямщику на облучек. Только Мурка с Геєм занимали двенадцатиместную „карету“, от которой окольным путем, по тропинкам, затрусил к красивым красным казармам ординарец с заводным Лордом в поводу — хоронить с конями концы в воду.

Промелькнули Цилкани, Мухрань, Мцхет с его тысячелетними остроконечными церквами проехали и воспетый Лермонтовым в „мцырях“ запустевший монастырь на высокой, превысокой горе у слияния мутноводной Куры с серебрястой Арагвой; незаметно бежало время и было очень досадно когда загудели копыта четверика коней по древнему римскому мосту, свидетелью походов блестящего Плиния, предвещая близкий вокзал.

Не хотелось молодым проказникам в Тифлис, ой как не хотелось! И право, ничуть они не обезпокоились когда ожидающим пассажирам объявили, что в подходящем поезде не найдется для них ни одного места, были, ведь, еще поезда и попозже.

Старый „кацо“, невольный Муркин опекун, понимал их настроение; весь городок знал про их борьбу за право ласки и любви; подойдя к Гею, он застенчиво, в коротких словах, передал ему свою опеку над девицей и скромно удалился.

Ночь была так тиха, тепла и прекрасна... Вдали блестело зарево Тифлиса, а у ног сидевшей на скалистом берегу парочки шумела, перескакивая с камня на камень, широко разлившаяся, сребропенная Арагва; не хотелось ни подниматься, ни расставаться... Уж давно промелькнул освещенными окнами предпоследний поезд, а они все сидели и ворковали над шумящей ротою рекою.

Сколько было там сладких речей и горячих поцелуев, продолжавшихся и в бархатном купе первого класса вагона скорого поезда по полуночи на коротком перегоне от Мцхета уносившаго их к Тифлису.

Радостно приняла запоздавшую Мурку в свои объятия заждавшаяся тетя и так жалела она бедную девочку; жалела потом и сама аптекарша, получив известие о такой долгой задержке крестницы. Даже рыжий Шлемка, с утра вставший бодрим и здоровым, лукаво улыбаясь в сторону, вслух „жалел“ бедную Мурочку, в присутствии своей патронессы. Только Мурка и Гея не жалели об этом, им было так хорошо и сладко... и там, на Мцхете, и здесь, в Тифлисе, в грезах отходящих ко сну молодых влюбленных сердец.

Хитрила старая мамаша, когда говорила Мурке, что отправит ее дальше из Тифлиса со своими родича-

ми; не поехали тифлиские родные — говорили не пускают отца в отпуск, да и не просился он у него, и проводили они одинокую Мурочку с тифлиского вокзала, ни сном ни духом не ведаю, что уже знает Гея про все их планы и поджидает на другом конце в предместьи, на маленьком вокзалике Навтлуга, свою дорогу. Не знают и не ведают что поджидает Гея и услужливый проводник, придержавший двухместное купе для щедрого молодого офицера.

Мягко вздрагивал уютный „пульман“ на рельсовых стыках, своим ритмическим стуком колес, создавая своеобразный аккомпанимент ликующей весне двух молодых сердец. Мелькали поля и равнины Кахетии и Мугани, горы и доли Азербейджана; промелькнули закопченное нефтью Баку и Баладжары и дагестанский берег шумящего прибоем Каспия, пролетели терская равнина, Чечня и Ингушетия, а с ними вместе, как мгновение ока пролетели и сладкие полтора суток никем непрерушаемой любви и ласки.

Пришел осетинский Беслан, а с ним и неизбежная разлука.

Последние крепкие объятия, последние горячие поцелуи и мерно постукивающие поезда уносили на север, к Ростову, улыбающуюся в воспоминаниях Мурку, а на юг, к Владикавказу — счастливого Гея.

Через восемь часов по разлуке Гея принесся в свой маленький городок, напрямиком через Казбек по Военно-Грузинской ленте. В сердце своем привез он надежду на счастье следующего года — года выхода милой из стен института и своего брачного совершеннолетия — двадцатитрехлетнего года, а блаженствующая, довольная удавшимся обманом хитрой и строгой матери — тети, Мурка увозила пространное письмо Гея к далекому, любимому и неизвестному отцу. В нем Гея писал о ней и о себе, о их любви и многолетней ласке и просил благословить их соединиться им на веки.

Они и не чувствовали, что над головами их и их несчастных родин сходились мрачные тучи, предвозвестники всего лишь через десять дней вспыхнувшей войны; война разбила их мечты, как разбила и погребла она миллионы других любящих сердец.

Пока же все было тихо и спокойно... Спокойна была и старая аптекарша „сдыхавшая“ подалше свою постоянную заботу. И помышления не было у нее о том, что произошло в трехдневное отсутствие ее упорного противника Гея, вновь деловито шмыгавшего на службу мимо ее окон, и о том, что подготовила своей крестной матери ее любимая Мурка.

Узнала все она потом, когда война их примирила, но, примиривши „тещу“ с Геєм, она же их и похоронила.

Я. Лопух.
(Болгарія).

* * *

По над Чорним морем
Чорный ворон криче.
Кубань, повна жалю,
За синами плаче:

Сини мої, діти милі,
Що з вами зробили? —
Як живете, що робите
В далекій чужині?

Ви гадали, що і справді
Вам добра бажали
Лихі оті зайди,
Що про рай кричали

Й вас щоб обдурити,
Волю обіцяли,
А як взяли зброю —
Ярма надівали,

Щоб казацька тая сила
Свій же степ орала
Та злодіїв — лиходіїв
Ласо годувала...

Орли сизокрили
В хмарах десь клекочуть —
Козацькі руки
Роскувати хочуть,

Щоб іти та виручати
Братів из неволі,
Свій Край визволяти
Від тяжкої долі.

Самоопределение народов и „Вашингтонская декларация“.

(К юбилею десятилетия Чехословацкой республики).

Октябрь — это месяц исторических воспоминаний Чехословацкой республики, это — месяц исторических событий в освободительной борьбе чехословацкого народа.

Три октябрьские даты — 14, 18 и 28 неизгладимыми письменами отмечены будут на вечные времена на страницах новейшей истории Чехословацкого государства.

14 октября в Париже чешский „Национальный Комитет“, возглавлявшийся триумvirатом политической ч. сл. эмиграции: — Масарик, Бенеш, Штефанек. — объявили себя временным правительством независимого чехословацкого государства.

В тот же день на родине, — пребывавшей тогда еще под гнетом габсбургского ига, по всей Чехии состоялись массовые антиавстрийские демонстрации, при чем в некоторых городах была прокламирована самостоятельная Ч. Сл. Республика.

28 — октября — состоялся безкровный революционный переворот на ч. сл. территории, т.е. фактически — низложение австро-венгерского господства над ч. сл. народом и государственное отделение Чехословакии от Австро-Венгрии.

Нас здесь особенно интересует 18 октября, — день опубликования вышеупомянутым ч. сл. — эмиграционным триумvirатом знаменитой и исторической „вашингтонской декларации“ (поданой 17 октября проф. Масариком в Вашингтоне американскому президенту Вильсону), где с одной стороны был заявлен фактический и окончательный разрыв чехословацких „самостийников“ с габсбургской династией и политическим сожительством с Австро-Венгрией, а с другой — в духе традиций американской свободы и демократии — публично формулированы были идейные заветы чехословацкого национально-освободительного революционного движения.

„Вашингтонская декларация“ — для Чехословакии сейчас это прежде всего, исторический документ, радостное воспоминание о недавнем героическом прошлом, но в то же время это и напоминание о все еще неосуществленных наказах освободительной борьбы и, стало быть, политическая программа для ближайшего будущего.

Для поработанных-же народов вообще и, в частности, освобождающихся народов Востока Европы, Вашингтонская декларация, — это в своем роде „хартия национальных свобод“, это — „декларация прав народов“, — эта фактическая и конкретная, программа национального самоопределения, по крайней мере в общей ее части не касающейся специально чехо-австрийского взаимоотношения, теперь уже безусловно к истории.

Умиравшая Австро-Венгрия делала попытки лже-федерального примирения со своими „окраинами“. „Вашингтонская декларация“ резко и непримиримо их отвергла, правильно характеризуя этот венский псевдо-федерализм, как „новую форму денационализирующего гнета, под которым мы страдали в течении последних трех столетий“.

„Полагаем“ — читаем мы по этому поводу в историческом заявлении от 18 октября 1918 г. временного ч. сл. правительства, — „что свобода является первой предпосылкой федерализации и мы убеждены, что свободные народы центральной и Восточной Европы легко создадут федерацию, если сочтут это нужным“.

Восточно-европейские народы, стремящиеся к своей государственной независимости и кровью запечатлевшие свою героическую борьбу за национальную и политическую самостоятельность, хорошо должны запомнить этот завет „Вашингтонской декларации“, ибо: во 1) — он тоже и непосредственно их касается, как это явствует из предыдущего текста, а во 2) — потому, что политические мертвецы и Дон-Кихоты покойной России — будут соблазнять их (и уже делают попытки в этом направлении) — заманчивыми лже-федералистическими союзами с Москвою.

На это быв. русские „иногородцы“ и „окраины“ снова таки могут ответить запоздавшим бардам общерусской „федерации“ словами той же „Вашингтонской декларации“, гласящими:

„Мы не желаем быть составною частью государства, не имеющего оправдания своего существования и которое, противясь принятию принципа современной мировой организации, является только искусственным и безнравственным политическим образователем, мешающим каждому движению, стремящемуся к демократическому и социальному прогрессу“.

Покойный царизм с одной стороны и прозябающий вот уже десять лет большевизм с другой — блестяще показали воочию азиатский деспотический автократизм Москвы, совершенно чуждый европейскому духу политического индивидуализма и понятий современной демократии.

Нет причин и доводов верить, что политический дух третьей, послебольшевистской России именно, в вопросах международного сожительства и по отношению к быв. русским „окраинам“ будет более терпим и сговорчив, без чего, очевидно, не может быть даже и речи о какой то федерации или политическом событии вообще...

Но гвоздем „Вашингтонской декларации“ приходится считать, конечно, заключительные ее абзацы, где широко формулирована программа

ч. сл. государственной внутренней и внешней политики, и ярко намечены вехи грядущего ее развития.

„Мы признаем — говорится по этому поводу в этом историческом заявлении — идеалы современной демократии и будем к ним примыкать, ибо это были идеалы нашего народа в течении столетий.

Мы признаем американские идеалы, как они были сформулированы президентом Вильсоном; принципы освобождения человечества, подлинного равенства народов и правительств; черпающих свое подлинное могущество в согласии подчиненных“...

„Вашингтонская декларация“ далее намечает проект ч. сл. конституции. Этот проект — далеко еще не осуществленный молодым ч. сл. государством, признать образцом политической программы для освобождающихся поработанных народов вообще.

Это правильный путь для всех национальных „самостийников“, конкретно сформулированный на чехословацком примере.

„Ч. сл. государство будет республикою. В постоянном стремлении к прогрессу — оно гарантирует полную свободу совести, религии и науки, литературы и искусства, слова и печати, права собраний и петиций. Церковь будет отделена от государства.

Наша демократия будет основана на всеобщем праве голосования. Женщинам будет признано равноправие с мужчинами в политическом, социальном и культурном отношении. Права меньшинств будут обеспечены про порциональным представительством. Правительство будет иметь парламентскую форму и будет признавать принципы инициативы и референдума...

Ч. сл. народ осуществит широкие социальные и экономические реформы; помещичьи земли будут экспропрированы для внутренней колонизации; преимущества дворянства будут отменены.

Наш народ возьмет на себя часть довоенного австро-венгерского долга; военные же долги мы предоставим тем, кто в них увяз.

В своей иностранной политике Чехословакия возьмет на себя полную часть ответственности

за реорганизацию Востока Европы. Она вполне принимает демократический и социальный принцип национальности и согласна с теорией, что все договоры и трактаты должны заключаться открыто, искренно и без тайной дипломатии.

Наша конституция позаботится о деятельном, умном и справедливо правительстве, которое устранил какие-либо преимущества и не допустит классового законодательства.

Демократия победила божественную автократию. Милитаризм разбит — демократия одержала победу. На принципах демократии человечество будет реорганизовано. Власть тьмы содействовала победе света. Долгожданная эпоха человечества грядет. Мы верим в демократию; мы верим в свободу в свободу все большую и большую!..

Вот политическая программа, начерченная основоположниками ч. сл. государственной самостоятельности для своего народа. Во многих положениях — это все еще программа будущего. Ее, в общих чертах, могут смело принять все национальные самостийники и, прежде всего, освобождающиеся народы „Востока Европы“.

„Вашингтонская декларация“ — может быть политическим знаменем освобождающихся поработанных еще народов.

Сравнивая настоящее Ч. С. Р. с выше приведенными положениями „Вашингтонской декларации“, можно наглядно убедиться в том, что уже сделано молодым ч. сл. государством и какие-еще политические, социальные и экономические задачи должны быть осуществлены, дабы Ч. С. Р. оправдала заветы своего великого исторического акта от 18 октября 1918 года.

Мы, искренно приветствуя молодую ч. сл. республику по поводу юбилея первого десятилетия ее существования, от души желаем ей в течение второго десятилетия осуществить дальнейшую, неисполненную еще часть „Вашингтонской декларации“, которой во истину может гордиться чехословацкий народ, и какую, как духовное наследие, могут принять как программу идеального будущего, все самоопределяющиеся и освобождающиеся народы...

И. Билый.

Казачьи Земли.

III.

Население Казачьих Земель по народности.

Ценность и достоверность всяких данных, получаемых посредством переписей, обуславливают следующие факторы: 1) целесообразное, точное и ясное формулирование вопросов; 2) соответственный подбор персонала, производящего перепись; 3) доверие населения к власти, производящей перепись; 4) сохранение организаторами переписи научного объективизму и устранение всяких тенденций политически, фискальных и национальных и 5) выбор соответствующего времени для проведения переписи.

Все эти условия имеют особенно решающее зна-

чение для получения достоверных данных про народность населения. Национальная принадлежность, как понятие уже само по себе сложное, требует для правильного своего уяснения и учета, как значительной доли интеллектуального развития у опрашиваемого переписчика, так и выкристаллизовавшегося национального самосознания у опрашиваемого населения.

При отсутствии указанных выше условий, полученные через переписи данные про народность легко и значительно уклоняются от действительного распределения населения по национальным группам. Такое ста-

статистическое уклонение от истины весьма часто умело используется в политической и национальной борьбе и классическим образом тенденциозного препарирования и использования национальной статистики является статистика, напр., бывшей Австро-Венгерской Империи.

Национальная статистика Российской Империи тоже не чужда была тенденциозности в сторону преувеличения великорусского элемента среди населения различных частей б. Империи. Однако, главным образом дефекты технического характера, как результат весьма неудовлетворительной постановки всего статистического дела в России, подрывают ценность статистических данных о национальном распределении населения б. России. Особенно малоценными являются данные ежегодных подсчетов б. Центрального Статистического Комитета Министерства Внутренних Дел, публиковавшиеся в Статистических Ежегодниках России. Данные эти, получавшиеся б. М. В. Д. через администрацию и в первоначальном своем источнике просто фабрикованные полуграмотными волостными писарями, — даже в абсолютных числах всего населения далеко уклоняются от действительного его количества. Национальное распределение населения по этим данным имеет уже совершенно произвольный характер.

Гораздо большую ценность представляют данные Первой Всероссийской переписи 1897 года. Перепись эта, хотя и не чуждая известным дефектам и не по всех местах России удачно переведенная, все же дала результаты, по своей точности и объективности являющиеся идеалом для всех последующих исчислений и переписей. Данные переписи 1897 года даже и сейчас хотя, очевидно, уже устарели, не утратили своего объективного значения, ибо новейшие переписи, произведенные Советским правительством, помимо всех дефектов, какие имела имперская статистика, имеют еще один, самый большой дефект — ярко выраженную социально-политическую и национальную тенденциозность. С уверенностью можно сказать, что нигде в мире статистика и статистические данные не играют такой огромной служебной роли в политике, как это мы видим в СССР, и нигде власть для своих целей так легко и ловко не фабрикует цифр и не жонглирует ими как там. Последняя Всесоюзная перепись 1926 года, как приходится констатировать при анализе опубликованных данных, к сожалению, не представляет в этом смысле счастливого исключения.

Национальная статистика Казачьих Земель, как по данным переписей 1920 и 1923 года, так и по переписи 1926 года носит все следы основной тенденции Советской власти: доказать и статистикой то положение, что Казачьи Земли не представляют из себя чего либо целостного, отличного от остальной России, что и перекройка этих земель (разделы!) соответственно специальным видам Московской политики может быть вполне оправдана причинами природно-географическими и социально-экономическими.

Советская власть проводит эту свою тенденцию весьма решительно. Из Казачьих Земель выделяет территории горских и степных народностей в многочисленные и разобщенные автономные области и республики с фиктивными правами и нефиктивным бесправием. Победенное и расказаченное декретами Казачество совершенно „упраздняется“ и, как мановением чудодейственной палочки, превращается в русских „крестьян и рабочих“. Многочисленное украинское крестьянство — этот третий враждебный Советам элемент, в его требованиях свободы языка, культурно-национального развития, ослабляет Советская власть статистическим преуменьшением как абсолютной численности его, так и национального качества, представляя его как массу почти совершенно руссифицированную, утратившую свой родной язык.

Так, если верить цифрам советской статистики, то в 1920 году в Кубанско-Черноморской области на 2.955.668 душ населения было всего на всего 319.796 украинцев. Правда, число украинцев по народности по той же советской статистике в городах выросло из 31.970 в 1920 году к 155.699 в 1923 и 136.558 в 1926 г., а общая сумма украинцев по народности в Кубанско-Черноморской области (без Горских

территорий) возрасла в 1926 г. к 1.418.772 душ. Однако, с этим быстрым статистическим ростом украинского национального самосознания масс шел, согласно той же советской статистике, очевидно, параллельно тоже необычно быстрый процесс замены родного украинского языка на русский, — советская перепись 1926 г. приводит данные, как по народности, так и по отмеченному переписчиками родному языку переписываемого населения и вот эти данные по Сов. Кав. Краю:

Таб. V.

Округа	русских		украинцев	
	по народности %	по родному языку %	по народности %	по родному языку %
Сунженский . . .	89.4	96.9	7.2	0.2
Шахтинский . . .	85.4	91.2	13.1	7.6
Майкопский . . .	64.4	83.7	28.6	10.6
Ставропольский . . .	62.4	84.9	33.8	11.7
Армавирский . . .	59.5	86.0	32.9	8.0
Терский . . .	58.4	75.2	30.2	14.8
Сальский . . .	52.3	61.2	43.9	35.5
Донской . . .	45.9	71.2	44.0	22.6
Донецкий . . .	42.5	46.0	55.1	51.6
Кубанский . . .	33.4	47.1	61.5	49.0
Черноморский . . .	33.0	55.0	35.7	17.4
Таганрогский . . .	21.9	70.1	71.4	25.3

Если бы цифры эти хотя на половину соответствовали действительности, — российские единоплеменные националисты могли бы с полным правом кричать о санна грядущей совершенной руссификации украинцев.

Однако, уже одно то обстоятельство, что этот „статистический“ процесс руссификации таких медлительных, в культурно-бытовом отношении консервативных украинцев, дает такие эффектные и неожиданные цифры, — уже одно это заставляет отнести весь эффект полученных цифр за счет благих пожеланий советских переписчиков, перепуганных „насилованной украинизацией“ в соседней Украине и радых способствовать советской власти в деле хотя бы лишь „статистической“ руссификации Северо-Кавказского Края. Ведь при таком количестве украинцев с украинским родным языком — им вполне будет достаточно одной „украинизированной“ учительской семинарии в станице Полтавской и пары сотен начальных школ...

Раздробляя своих противников, закидывая в их души сфабрикованными статистическими данными сомнения в их собственных силах и правах, — советская власть тем самым уже почти наполовину достигает победы. Ибо, кто в „свободном“ СССР осмелится не поверить официальным советским данным, кто открит их действительное, а не официальное значение и смысл?

В таблице III (см. № 21 „В. К.“) приведены данные о племенном составе населения Казачьих Земель по переписям 1897 и 1926 годов. Охватывая собою почти полный тридцатилетний период времени, обе эти переписи, произведенные при таких различных обстоятельствах и властях, дают, в общем, более или менее схожую картину племенного состава населения.

И та и другая переписи в список народностей — племен не вводит Казачество, как отдельную особь, зачисляя казаков главным образом в группу „русских“ и, отчасти, в группу „украинцев-малороссов“ (на Кубани). Данные о казаках перепись 1897 года приводит при учете сословных групп населения, перепись же 1926 г. не выделяет казаков ни при племенном, ни при сословном, ни при классовом, ни при экономическом, ни при другом каком группировании населения.

Благодаря такому полному игнорированию обособленности казачьего населения, картина междуплеменных отношений по данным этих переписей значительно упрощается. На всем пространстве Казачьих Земель доминирующей народностью являются русские, — великороссы, составляющие: по переписи 1897 года 55.8%, а по переписи 1926 г. 57.4% всего населения

Казачьих Земель. В северо-восточной части Казачьих Земель русские составляют абсолютное большинство, как городского так и сельского населения, за исключением степных округов Уральской обл. В юго-западной части, прилегающей к Азовскому и Черному морям, русские составляют большинство городского населения и значительные меньшинства сельского. Относительное количество русских за минувшие тридцать лет увеличилось с 55,8% на 57,4%, т. е. на 1,6%.

Вторую по величине группу являются украинцы, составлявшие в 1897 г. 23,8%, в 1926 г. 28,9% всего населения. Составляя всюду меньшинство населения городов, украинцы составляют большинство как всего населения, так, в особенности, сельского в округах юго-западных. Границей компактного расселения украинцев может, в общем, считаться восточная граница Северо-Кавказского Края. Из общего количества украинцев на Казачьих Землях — 3.391.500 душ, в Северо-Кавказском Крае насчитывается 3.106.825 душ. В северо-восточных Казачьих Землях украинцы составляют довольно значительные острова среди сельского населения Верхнего Дона — Сталинградской губ., где в 1897 г. было 193,3 тысяч, а в 1926 г. 140,9 тыс. украинцев, и Оренбургской губернии, где в 1897 г. было 38,9 тысяч, а в 1926 г. — 135,3 тысяч украинцев.

Русские и украинцы, вместе взятые, составляют на Казачьих Землях подавляющее большинство населения: в 1897 г. 79,6%, а в 1926 г. 86,3%.

Среди остального населения наиболее многочисленные группы составляют: киргизы-кайсаки, татары, калмыки и горцы Сев. Кавказа.

Киргизы, населявшие почти исключительно степи Уральской обл., в 1897 г. составляли 7,8%, в 1926 г. — 4,2% всего населения. Уменьшение как абсолютное, так и относительное числа киргизов на Казачьих Землях следует отнести, как за счет передела административных границ, так и за счет откочевки их в степи средней Азии.

Татары, составлявшие в 1897 г. — 2,4%, в 1926 г. составляли 1,7%. Местом их расселения является главным образом Оренбургская губ., город Астрахань и Кизлярский отдел Терской обл.

Калмыков во время переписи 1897 г. было 181 тысяча душ, или 2%, в 1926 г. их осталось 125,5 тысяч, или 1,1%. Такое и абсолютное и относительное уменьшение количества калмыков имеет главнейшую причину участие калмыцкого народа в противобольшевистской войне и голод 1920—1922 годов. Всех калмыков, раскиданных в небольших количествах по Казачьим Землям, советская власть ныне концентрирует в калмыцкой автономной области.

Горцев Северного Кавказа в 1897 г. было 112.500 душ, или 1,2%, в 1926 г. — 163.400 душ, или 1,4%; из них 143.400 душ проживало в автономных областях Адыгейской, Черкесской и Карачаевской на Кубани.

Из остальных народностей, недостигавших в 1897 г. одного процента всего населения,

Немцы увеличились с 80,5 тысяч на 121,2 тыс., т. е. в полтора раза;

Евреи увеличились с 16,8 тысяч на 51,4, или в три раза;

Армяне увеличились с 58,6 тысяч на 150,3 тысяч, т. е. почти в три раза. Новороссийск, Краснодар, Армавир и Майкоп на Кубани и Ростов—Нахичевань на Дону — вот главные места сосредоточения армян. Значительное увеличение их числа следует отнести за счет иммиграции из Турецкой Армении.

В группе прочих по переписи 1897 года из общей суммы 470,9 тысяч душ, было: Башкир — 254.561 душа; Т е п т я р е й — 16.877 душ и М о р д в ы — 38.403 души, — все они населяли Оренбургскую губ. и при административно-территориальном перераспределении в 1926 году оказались в большинстве в границах Башкирской АССР.

Таковы официальные данные. При критической проверке их, при сравнении между собою числовых данных различных переписей по отдельным административным единицам, обнаруживаются недочеты этих данных и является возможность устанавливать к ним из-

вестные поправки. Внося эти соответственно обоснованные поправки к официальным данным, можно достигнуть значительного приближения к действительному положению вещей и иметь возможность делать из выправленных данных более правильные выводы.

Критическая проверка статистических данных особенно необходима для правильного уяснения культурно-племенных взаимоотношений на Казачьих Землях. Ибо, радуящая единородное сердце простота, согласно официальным данным, национально-племенной структуры Казачьих Земель базируется на той основной предпосылке, что Казачество, как таковое, не представляет из себя отдельного социального организма, а является интегральной частью, главным образом, русского народа, и, значит, выделению из состава русских „рабочих и крестьян“ не подлежит. При несостоятельности же этой предпосылки, валится, как карточный домик, вся стройная „простая“ официальная система междуплеменных группировок. И выводы получают тоже иные.

Приводимая ниже таб. VI представляет из себя выправленные общие данные переписи 1926 г. Поправки переведены только двух основных групп населения: русских и украинцев. Цифры остальных групп остались без изменений.

Из общего количества русских и украинцев выделены по отдельным комплексам Казачьих Земель казаки в особую графу. Количество казаков к моменту переписи 1926 г., по причине отсутствия соответствующих данных в переписных материалах, установлено исчислением, на основании ежегодных сводок населения казачьего „сословия“. В приведенной выше таб. III подано количество казаков по переписи 1897 г., в таб. I количество казаков к 1 января 1902 и к 1 января 1912 г. Исчисление казаков к концу 1926 года, приведенное в той же таб. I основано на природном приросте казачьего населения от 1897 до 1912 года и сконтролировано по отдельным Казачьим Войскам данными, уже военного времени, 1918 годом кончая.

Исчисленное количество казаков, как основанное на стационарном а не прогрессивном годовом приросте за десятилетие 1902—1912 годов, к концу 1926 года было бы значительно ниже действительного, если бы и от 1912 до 1926 г. общие условия жизни населения Казачьих Земель были те же, что и до 1912 г. Война и революция задержали нормальный рост Казачества.

Количество казаков, установленное исчислением, отсчитано от группы русских по всех Казачьих Землях, кроме Кубани. На Кубани общую сумму 1.723.400 душ казаков отсчитано пополам как от группы русских, так и украинцев. Такой отсчет мотивируется тем, что хотя обычно было принято считать среди Кубанского Войска Черноморцев на 60%, а Линейцев на 40%, но вряд ли взаимоотношение это было удержано при получении данных племенного распределения по переписи 1926 г. Более вероятным является то положение, что в группу „русских“ попали не только все линейцы, но и значительная часть „черноморцев“ не внесенных в украинскую группу. Десять процентов таких статистически руссифицированных черноморцев вряд ли может считаться числом преувеличенным, скорее наоборот.

Из числа казаков Донского Войска выделено в особую графу 14.100 калмыков — казаков, отмеченных переписью 1926 г. на землях Войска Донского.

К количеству казаков Войска Астраханско-Калмыцкого причислено 111,4 калмыков, обитателей Автономной Калмыцкой Области, хотя до войны и не принадлежавших к казачьему „сословию“, но во время революции постановивших о своем вступлении в семью Казачества. Равно к Войску Кубанскому причислено 152.700 душ Горцев кубанских, пользовавшихся всеми правами казаков, согласно постановлению Кубанской Краевой Рады.

Таким образом, общее количество казаков шести Европейских Казачьих Земель к моменту переписи 1926 г. исчисляется в 4.985.300 душ. Из них записано во время переписи как „русские“ 3.845.400 душ, как

Таб. VI.

Племенной (национальный) состав населения Казачьих Земель к концу 1926 года по исчислению.

Земли Казачьих Войск	Всего насе- ления в тыс. душ по пер. 1926 г.	Казачи, записанные как:				Иногородние		Киргиз-Кай- саки	Татары	Армяне	Немцы	Евреи	Прочие
		Русские	Украинцы	Калмыки	Горцы	Украинцы	Русские						
В. Донское . . .	4.194.6	1.777.9	—	14.1	—	1.424.5	780.4	3.2	17.2	45.2	42.1	32.0	58.0
В. Астраханско- Калмыцкое . . .	652.0	47.3	—	111.4	—	38.0	338.4	46.1	49.5	3.1	5.4	6.1	6.7
В. Уральское . . .	681.8	198.8	—	—	—	23.0	18.2	420.0	15.1	—	0.8	—	5.9
В. Оренбургское . . .	1.553.4	647.7	—	—	—	135.3	569.5	27.5	100.8	—	14.5	5.3	52.8
В. Кубанское . . .	3.980.7	861.7	861.7	—	152.7	1378.4	438.6	—	6.9	80.6	40.4	5.9	153.8
В. Терское . . .	643.4	312.0	—	—	—	194.1	63.5	—	2.7	21.4	18.0	2.1	29.6
Итого . . .	11.705.9	3.845.4	861.7	125.5	152.7	3.193.3	2.208.6	496.8	192.2	150.3	121.2	51.4	306.8
			4.985.3 42.6%			27.3%	18.8%	4.2%	1.7%	1.3%	1.0%	0.44%	2.6%

„украинцы“ 861.700 душ, как калмыки 125.500 душ, как горцы 152.700 душ.

В группе „украинцев“ произведены следующие исправления: а) официальное число украинцев на Верхнем Дону (в Сталинградской губ.) по переписи 1926 г. равно было 140.900 душ. Цифру эту следует считать значительно меньшей действительного количества украинского населения. Уже перепись 1897 г. на означенной территории насчитала 193.300 душ украинцев. После 1897 года сюда непрерывным потоком шла переселенческая волна, состоявшая, главным образом, из украинцев, и принесшая сюда десятки, если не сотни тысяч украинского населения. Поэтому число украинского населения, указанное переписью 1926 г., меньшее даже числа украинцев в 1897 г., — может иметь объяснение только в плохой технике проведения переписи. Украинское население Сталинградской губернии к концу 1926 г. следует исчислять минимальною суммою 250.000 душ. Разницу к этой сумме в 109.100 душ перечислено между группами русской и украинской населения Войска Донского.

б) Официальные числа украинцев на Землях Войска Астраханского увеличены до цифр украинцев по предыдущим переписям 1920 и 1923 г. с природным приростом до 1926 г. Таким образом, количество украинцев в Астраханской губернии исчислено в 20 тысяч душ, в Калмыцкой области в 18 тысяч душ и разницы к переписным количествам 1926 года в сумме 6.100 душ и 3.400 душ перечислены между русской и украинской группами. Общее количество украинцев на Землях Астраханско-Калмыцкого Войска исчислено в 38 тысяч душ.

Украинское население Кубанской области по переписи 1926 г. равно было 1.345.500 душ, т. е. 45.4% всего населения Кубанской области. Число это, как в его абсолютной, так и относительной величине следует считать весьма мало приближающимся к действительности. Оно, конечно, значительно превышает классическое число советской переписи 1920 года, насчитавшей на Кубани всего 319.796 украинцев, но все же идет совершенно в разрез со всеми объективными данными и исчислениями по этому вопросу. Большинство

исследователей Кубани определяют количество украинцев там до 70%. Так же определяет его и известный историк Кубани и статистик проф. Ф. А. Щербина, который только из крайней научной осторожности принимает как минимальную цифру украинцев 62%. Обстоятельства войны и революции навряд ли привели к уменьшению на Кубани украинского элемента. Поэтому и для данных 1926 года 62% украинцев в Кубанской области следует считать, во всяком случае, не меньшим действительного числа украинцев. Таким образом, количество украинцев в Кубанской области в 1926 г. принимая его за 62% от общей суммы населения 2.961.700 душ, исчисляется в сумме 1.836.254 душ, т. е. на 490.754 души больше, чем приводят официальные данные переписи 1926 г. Разницу эту перечислено между группами русских и украинцев по Кубанской области. От общей цифры украинцев Кубанской области, как о том была речь выше, перенесено в графу казаки 861.7 тысяч душ Черноморцев. Таким образом, в Кубанской области неказачков украинцев в 1926 году насчитывалось 974.5 тыс. душ.

Количество украинцев в Ставропольском округе по переписи 1926 равное 245.8 тысяч душ тоже следует считать сильно преуменьшенным. Для территории современного Ставропольского округа, охватывающего места наиболее компактного расселения украинцев в границах б. Ставропольской губернии, исчисление в 300.000 душ является более близким к действительности. Разница к официальному данным переписи в сумме 53.2 тысяч душ перечислена между группами русской и украинской в б. Ставропольской губернии.

Проведя все упомянутые только что исчисления, получим для целого комплекса Земель Войска Кубанского следующие цифры: казаков — 1.876.100 душ, (в том числе по переписи 1926 г. записанных: русскими 861.7 тысяч, украинцами 861.7 тысяч и горцами 152.7 тысяч); иногородних (не казаков): украинцев 1.378.4 тысяч, русских 438.6 тысяч.

По остальным Казачьим Землям данные переписи 1926 года про племенной состав населения, хотя во многих случаях и возбуждают вполне оправданное недоверие, все же оставлены без изменений. Радикальная

административно-территориальная перекройка Казачьих Земель лишает исследователя возможности найти достаточно объективные критерии для исправления данных советских переписей.

Подводя итоги произведенному исчислению по всем Казачьим Землям, получим следующую картину племенного распределения населения.

Основную группу, составляющую на всех Казачьих Землях как бы остов всего населения являются казаки. Уступая иным группам по количеству в городах, казаки составляют сплошную, преобладающую массу среди сельского населения и тем придают всему комплексу населенных земель — стойкий, неизменный казачий характер. Большинство русского неказачьего населения в общем итоге Земли Войска Астраханско-Калмыцкого имеет свое объяснение в присутствии на большой, слабо заселенной территории этого Войска, такого большого интернационального города, каким является Астрахань. Сельское население и здесь — в большинстве казачье.

Большинство киргиз-кайсаков в общем итоге Земли Войска Уральского имеет свою причину административное советское деление, соединившее с Казачьими Землями территориальные комплексы с кочевым, почти чисто киргизским населением. Среди оседлого населения казаки Уральские составляют подавляющее большинство. Таким образом, и эти земли Астраханского и Уральского Войск, со своим кажущимся преобладанием неказачьего элемента не нарушают целостного казачьего характера территории.

Иногородние украинцы — вторая по величине группа населения — это сельское население, главным образом, округов Северо-Кавказского Края. Абсолютная и относительная численность и сила этой группы в Северо-Кавказском Крае почти равняется казачьему населению, а в некоторых округах его и значительно превосходит.

Иногородние русские — текущее население больших и средних городов, рабочие, ремесленники, торговцы, служащие, административный и военный аппарат. По селам незначительные колонии русских земледельцев раскольников, староверов и сектантов, главным образом на передкавказьи в Ставропольском округе. Русское крестьянское население в общем итоге Оренбургского Войска — население неказачьих территорий, слитых с казачьими в современных административных границах Каширинского уезда Оренбургской губ. и Челябинского округа Уральского Края.

Сила и удельное значение остальных народностей указано было выше при рассмотрении официальных данных переписи 1926 г.

(Окончание следует).

Р. С. Поправка. В предыдущей статье (см. № 21 „В. К.“), по недосмотру, в табл. III, в отд. VI, „Введенский округ“ помещен в рубрике А) Левобережный Терек, следует же поместить его под рубрику Б) Правобережный Терек. Соответственно этому изменятся и итоги Левобережного и правобережного Терека и итоги Земель шести Евр. Каз. Войск так:

а) Левобережн. Терек. Пространство в кв. верстах 1913 г. с 34361 на 30989; население 1920 г. с 514.9 на 392.8, нас. 1913 г. с 512.6 на 400.8.

б) Правоб. Терек. Пространство с 55813 на 59185 кв. в.; население: 1920 г. с 1440.5 на 1562.6, 1913 г. с 1458.1 на 1569.9.

В итогах (последняя строчка); пространство с 1112172 на 1108800 кв. в.; население: 1920 г. с 10220.1 на 10098.0 и 1913 г. с 13173.6 на 13061.8.

И. Б.

О. Долинский.

По поводу десятилетия Чехословацкой республики.

На страницах этого журнала мы поместили уже целый цикл статей, посвященных теоретическому изложению и освещению все еще злободневной проблемы самоопределения народов.

В итоге этих публицистических рассуждений, мы пришли к заключению, что политическим проявлением этого движения поработанных и обездоленных народов нашего времени — есть их естественное стремление к государственной независимости, как единственно гарантирующей полноту их культурно-национального и экономического развития.

Мировая война и последовавшая за ней революция содействовали практическому осуществлению этого идеала для самоопределяющихся народов Центральной Европы и для некоторых лимитрофных народов Востока Европы.

Остается, стало быть, проверить по сколько эти, освобожденные из под чужого политического ига народы, оправдали на практике приобретенную в кровавой борьбе свою государственную независимость. Иначе говоря, по сколько оправдал себя в прозе политической жизни безмерно восхваляемый приверженцами и так же безмерно проклинаемый его противниками лозунг национального „самостийничества“.

В этом отношении текущий 1928 г. — является весьма интересным, будучи т. ск. юбилейным. Для многих освобожденных народов истекает как раз первое десятилетие их независимого существования, т. е. собственной государственности.

В жизни народа десять лет в нормальных условиях, конечно, слишком незначительный хронологический период для каких-бы то ни было социологических обобщений. Но в бурную историческую эпоху, в роде той, какую человечество политически и социально переживает после 1914—1917 гг. даже десяти лет доста-

точно для предварительной оценки и характеристики жизнеспособности и целесообразности национальных государственных новообразований, возникших на развалинах покойных великих империй, отживших свой век и, естественно, погибших в мировом пожаре недавнего прошлого.

Среди этих новых государств послевоенного времени — одним из наиболее интересных и поучительных во многих отношениях, безусловно, является Чехословацкая республика, которая 28 октября собирается отпраздновать юбилей своего первого десятилетия.

Трудно, пожалуй, найти более подходящий пример и иллюстрацию для проверки теоретических положений, высказанных нами в предыдущих статьях по поводу принципа и лозунга национального самоуправления, чем именно, молодое Чехословацкое государство, само возникновение которого и первые годы развития — были, так сказать, последовательным и сознательным воплощением идеологии национального самоопределения.

Уже этого одного обстоятельства было бы вполне достаточно для того, чтобы начать эту вторую серию о практическом осуществлении лозунга самоопределения народов настоящим — до некоторой степени и в своем роде юбилейным очерком о Ч. С. Р.

Но на страницах эмигрантского органа — к этому общему мотиву присоединяется еще один, так сказать, специальный.

Нельзя не отметить одного обстоятельства, в этом отношении резко выделяющего Чехословацкую республику среди государственных новообразований послевоенного времени. Это — ее высокогуманного и внимательного отношения к трагической судьбе восточноевропейских поли-

тических и национальных эмиграций, а в том числе и к Казачьей.

Правда, чешское славнофильство — явление традиционно и исторической давности. Всем известно, что прежде всего — оно было окрашено ярко руссофильски. Тем паче поэтому приходится констатировать, что в своей гуманитарной поддержке эмиграции на территории быв. России, молодая Чехословакия правильно и сразу стала на путь восточно-европейской ее трактовки, оказывая помощь не только русской эмиграции, но и разным иными: — украинской, грузинской, казачьей и т. д. чем не раз вызвала неудовольствие и даже критику в националистических кругах великорусских беженцев.

В политическом бюджете молодого ч. сл. государства с точки зрения будущих взаимоотношений с освобожденным и национально самоопределившимся Востоком Европы, это — сейчас реально неопределимый еще вклад и, во всяком случае, факт огромного исторического значения, блестяще свидетельствующий о великой политической предусмотрительности и зрелости юной Ч. С. Р.

Но для теоретика и защитника принципа и лозунга национального самоопределения в смысле полной государственной самостоятельности политически угнетенных и возрождающихся или пробуждающихся народов, — пример Ч. С. Р. (начиная с истории ее возникновения и образования до самостоятельного дебюта на международной арене, а затем — во время первого пятилетия героических ее усилий с целью закрепить свои устои и стены молодой своей государственности), является в своем роде научно-лабораторным и, во всяком случае, одним из наиболее интересных, предоставляя редкую возможность наглядно изучать сложные перепитии этого политического процесса во всех его многогранных нюансах.

Вот почему, именно, Ч. С. Р. — посвящаем мы этот первый очерк, задачею какого будет ознакомиться с тем, как на практике идея национального самоопределения, политически выраженная в лозунге государственной независимости воплощалась сначала в борьбе за самостоятельное ч. сл. государство, а затем — после 28 октября 1918 г. — в усиленной творческой работе над конструктивным созданием собственной молодой республики.

Для народов Востока Европы, — стремящихся к собственной государственности — наиболее основатель-

ное ознакомление с судьбами недавней политической истории чехословацкой борьбы — весьма назидательно и прямо таки необходимо.

Ведь национально поработанный Восток Европы сейчас приблизительно находится в таком положении, в каком народы покойной Австро-Венгрии пребывали во время мировой войны и накануне октябрьских исторических событий 1918 года.

Для восточно-европейских народов — поработанных в большевистской тюрьме СССР, центрально-европейский октябрь 1918 г. — т.-е., момент национального освобождения — еще впереди и, быть может, уже вопрос не слишком далекого будущего.

История имеет свои аналогии и параллели. Именно, в области национального самоопределения их, быть может, более всего.

Вот почему народы, историей обойденные, должны внимательно знакомиться с недавним прошлым своих счастливых коллег, чтобы целесообразно использовать их политический опыт не повторять понапрасну их ошибок и не „открывать“ снова икупонально-тактические достижения первых.

Вот почему — для освобождающихся народов Востока Европы особенно важно ознакомиться с предварительной дипломатической работой чехословацкой эмиграции, возглавлявшейся теперешним президентом Ч. С. Р., проф. Т. Г. Масариком, далее ч. сл. министром иностранных дел д-р. Э. Бенешем и покойным первым военным министром Ч. С. Р. — ученым и восторженным патриотом — М. Штефаником.

Не менее интересен и поучителен, конечно, и процесс национальной борьбы чехов на внутреннем фронте, т.-е. в лоне угасавшей габсбургской монархии, как и попытки целесообразно согласовать его с политически — освободительной деятельностью эмигрантской ирриденды за границу...

Наконец, что безусловно, наиболее интересно — это ознакомление с их совместной государственно-творческой и созидательной работой после 28 октября 1928 в Праге, когда в кропотливой повседневной работе приходилось сооружать устои, возводить фундаменты и закреплять стены нового здания собственной государственности.

В следующих главах настоящего очерка нашу задачу и будет как раз ответ, хотя бы и беглый на все эти затронутые вопросы.

Медарь Сем.

Переселення Чорноморців на Кубань.

V.

Останні запорожці і занепад січових порядків.

1. Чорномор'я. Січовий устрій Чорноморщини, з тими корективами, які ввів „Порядок общей пользы“, існував не довго. Для козацтва і ці, властиво, незначні обмеження та надання виїмкових прав старшині, вже болюче били по їх світогляду, правах та звичаях. От чому, коли не стало Чепіги, та вмер Головатий, останній з тричленного В. Правительства — Котляревський — коли зробився отаманом (наказним), почав клопотатися про те, щоби Війську знов було дозволено іменуватися „Кошем войска верных казаков“ і щоби були „пожалованы бунчук и трости войсковыя“, як ознаки влади отаманської ще на Запорожжі. Взагалі він намагався залишити, принаймні, хоч зовнішні риси старого січового устрою, але і це не було в планах Імперського уряду.

Нова грамота царя Павла I-го від р. 1801-го ще більше змінила козацький устрій. Були скасовані посади В. Судді та Писаря, а замість Військового Правительства вводилася бюрократична „войсковая канцелярія“, поділена на 6 „експедицій“, які охоплювали всі боки не воєнного життя Війська. При канцелярії було призначено „царське око“ (урядового прокурора); в самій же канцелярії були „присутствующими“: Отаман, два члена

від Війська та „особа“ від центрального уряду. 13-го листопада (ноября) і воєнний устрій був позмінений — старий порядок формування військових частин був скасований: Військо було поділено на 20 полків. Все це робилося начеб то в інтересах козацтва — „простирая монаршее Наше попечение о благе верного нам Черноморскаго Войска соизволяем, чтоб и управление дел до онаго относящихся восприяло лучший образ“, говорилося у грамоті, яка руйнувала старий чорноморський лад. Взагалі всі обмеження і притиснення козацтва, які коли будь робилися центром, „виправдувалися“ „благом“ війська і козацтва. Нова реформа відбилася і на психології козацтва — воно різко розріжнило два періоди свого життя, кажучи що „то було до полків“, а це — після.

Згодом Олександр I зробив де які зміни на старий штаб: скасував „канцелярію“, та відновив „В. Правительство“, але залишив „прокурора“ та „полки“.

Від часів Котляревського пішли і „наказные отаманы“ без обрання їх Військом, як то було з його попередниками. Якийсь час була хоч та втіха, що до р. 1855-го наказні отамани були свої козаки, але після короткого отаманування Кухаренка, вже лише „исполняв-

шого обов'язності нак. атамана“ протягом лише 2-х років, пішла плеяда неказаків, аж до першого десятиліття ХХ-го в. За життя Кухаренка був призначений наказним отаманом німець, генерал Філіпсон, а потім були і поляки і грузини і великороси і ще німці, не було лише своїх, кубанців.

Полковий устрій виводив сторонню регламентацію і остаточно стирив сліди властиво військового козачого самоуправління; від останнього залишалось поки що лише курінна громада, з усією повнотою „общинних“ прав.

Турецькі Запорожці. Захованню запорожських традицій на Чорномор'ї сприяло ще й те, що цілий час, поки існувало Військо Чорноморське, до нього приходили одиночками і групами, та навіть і цілим військом (Азовським), запорожські козаки. Це були ті, які, після руйнації Січі, перейшли „під турка“ і тепер по волі поверталися до своїх братів на Кубань. В свою чергу Кубанські Чорноморці, яким вже дуже було „не по душі“ під новими порядками, сідали в човни та тікали на Дунай, Дон та Астрахань до старих приятелів. Таким чином був сталий зв'язок Військ поміж собою і взаємопередача особистих рис військового життя.

Запорожці, які вийшли з Січі при її руйнуванні, ще в Коші під Аккерманом, відновили свій устрій: депутація до султана їхала в складі Кошового, Військового Писаря та 38 курінних отаманів. Султан дозволив їм осісти на Дунайських гірлах, під назвою „Бутгалских“ козаків. Там козаки почали рибалити та полювати аж по самий свій старий кордон — р. Буг, лише з тією ріжницею, що тепер вони займали протилежний його бік. (Запорожці розкинули свої паланки (округи) там, де через 15 років пізніше осіло „Військо вірних козаків“). В р. 1779 на натиск російського уряду султан велів запорожцям відійти за Дунай.

Незадоволені цим запорожці, які вже мали великі непорозуміння з осівшими по Дунаю Кубанськими козаками, наприкінці р. 1785, в числі 8.000 душ перейшли під протекцію австрійського цесаря на р. Тису, до Банату, в теперішній Югославії, з якої свого часу повтікали серби з ген. Текелієм на сусідні з Запорожжям землі. Та не довго запорожці там всиділи, — лише перебули нову російсько-турецьку війну 1787—1791 р., в якій добули собі слави Чорноморці. Перед цією війною частина задунайських запорожців перейшла до „вірних козаків“, а 6.000 задунайців залишилося жити під турком.

„Банатські“ запорожці, пробувши на р. Тисі 20 років, розійшлися звідти поміж 1804—1805 р. Де які пішли через Венецію на о. Мальту служити до лицарів мальтійського ордену, які ще животіли на Середоземному морі, а більшість повернулася знов на Дунай.

З початком нової війни з турком 1806—11 р. частина задунайців знов передалася під російську руку і осіла „Усть-Дунайським Військом“ (Буджацьким), яке незабаром було скасовано ще до кінця війни. Частина усть-дунайців і їх військової клейноди були перевезені на Кубань, до Чорноморського Війська.

Задунайська запорожська Січ продовжувала жити старовинним кошовим устроєм, але війвничий хист запорожців вже підупав. Там набрали сили сімейні козаки, з яких і був обраний останній кошовий задунайців Осип Бондарь-Гладкий. При новій війні р. 1828-го він, підготувавши раніше ґрунт у російських генералів, вислав у похід запорожців с коша, а сам повернувшись з походу, похапцем забрав клейноди та церковні реліквії і з 200 прибічниками втік до Ізмаїлу, де був царь Микола I. По дорозі Гладкий приєднав ще 300 козаків. Таким чином, він самовільно скасував Кіш, недбаючи про те, що на 12.000 козаків залишилося в турецьких руках; над ними, після зради Кошового, жорстоко помстилися турки.

По закінченню війни (вже генерал) Гладкий, не схотів йти з Військом під Анапу до Чорноморців, а осів у Бердянському повіті, утворивши нове Азовське Військо, в якому мало чого залишилося з запорожських порядків. Р. 1865-го Азовське Військо було скасовано, козаки з Військовими клейнодами були переведені на Чорномор'я, генерал же Гладкий їхати туди не схотів, він вийшов в одставку і вмер в Олександровську в р. 1866. Задунайська Січ була знищена турками зараз же після

зради Гладкого. Населення Кошу, яке не було вибите турками, повтікало на всі боки; рештки ж запорожців, яких султан вкинув у тюрму, після замирення осіли на Дунаї і обернулися в селян.

3. Кубанське козацтво. Лише Чорноморські запорожці, одні з усіх, ще на сто років затримали свій Військовий устрій, хоч і змодифікований. Вони поповнялися і своїми братами запорожцями і донцями з колишнього Кубанського Війська, яке теж постигла зла доля, як і дунайських запорожців, і взагалі всяким людом всіх вір і націй, з тих, хто почував себе більше „козаком“, ніж звичайним селянином.

Бурхливий, непокірний настрій Запорожжя ще довго виривав і на теренах Чорномор'я і залишив незгладимі риси у своїх нащадків. І досі в характері кубанця є багато того, що відрізняє його не лише від українця-городовика, а і від іншого козака. Все це є наслідки булого життя запорожської вільности, відбиток старокозацьких звичаїв та законів. Зокрема протягнулися вони у курінному устрої, аж до р. 1842-го. Тоді вийшло перше „Положення об управленні Чорноморським казачьим Войськом“, яке хоч і було пристосовано до „Положення о Донском Войске“, з р. 1835-го, але багато з того, що трималося в звичаях та традиціях курінних громад, було сформульовано і занесено до урядових законоположень, а з тим перейшло і в життя „станичних обществ“.

Істотні зміни засягли Військо Чорноморське у 1860 р., коли воно з частиною Кавказського лінійного Війська утворило одно Військо Кубанське. З чорноморця злучилися полки: складені з козаків б. Війська Катеринославського, переселеного з теренів Запорожжя на Кубань на початку ХІХ ст.; з донців, які виділялися на лінію головно своїх „малоросіян“, прийнятих до Війська; з охочих козаків інших Військ, які йшли добровільно в Закубанне, і з іншого ріжного люду, головню українського походження. Де-який час кожні з частин Війська жили по своїх „положеннях“, аж поки не вийшло нове „Положення об общественном управленні в казачьих войсках“ р. 1870, яке заховувало основні риси козацької самоуправи і в решті привели до практики передреволюційного станичного самоуправління. Лише, в земельному відношенні всі чотири частини Війська Кубанського (Чорномор'я, Стара Лінія, Нова Лінія і Закубання) продовжували до р. 1906-го жити по окремих статутах. Злучила їх відновлена, через 114 років, перша Кубанська Рада.

Всі старі і нові козаки у Кавказському казані перетопилися у одну зливу масу, яка дала видатне кубанське козацтво. З часом, за шістьдесят років спільного життя з б. Чорноморцями, решта козаків прийняла від них багато рис старого Запорожжя. Запорожською „амальгамою“ наче б то вкрилася ціла Кубань; воно і не дивно: аж до зруйнування Січі та Дону Петром I, все козацтво жило одним і тим же устроєм, законами, звичаями, перемішане і одноцільне. Козак запорожець був таким же повноправним громадянином, як і тубольці, на Дону, рівно як і на других „ріках“ — Військах; саме так, як козаки інших військ були рівноправні під час перебування на Запорожжі. Наче б то була одна велика Вільно-козацька держава-республіка, з автономними Військами, в якій кожний Вільний козак був рівноправним громадянином.

Недоля викинула десятки тисяч козаків „під хана“ і „під турка“. Чимало запорожців і реєстровиків емігрувало свого часу на Дон та на Кавказ, Урал та Сибір. Правда, з часом вони втрачали свої зокрема характерні запорожські риси, але також і передавали їх новому оточенню. Таким чином, від Чорного моря аж до Тихого Океану, витворилося нове козацтво. Розпоршене островками на схід, від монолітної Доно-Північнокавказської маси козаків, воно однак, і оточене російським морем, думало однією думкою, говорило однією духовною мовою і відродило своє старе вільне життя в революції 1917 року.

Не знищила його ані російська стихія, ані червона влада Радянського Союзу. Прийде час, коли Вільне Козацтво повстане знову велике і одноцільне. Відроджуючи заповіти своїх старовинних матерних Військ Славного Запорожського Низового і Всього Великого

Донського, воно згорне до купи і розпорошені дрібні Війська і відроджене Козацтво Вільної Незалежної Великої України,

Матеріали:

- 1) Н. Маркевич — Історія Малороссіи т. I—V, Москва, 1842.
- 2) Д. И. Эварницкій — Вольности Запорожских Казаков. СПб, 1898.
- 3) П. Щербальскій — Потемкин и заселение Новоросійскаго Края (Сбор., изд. Дашкова. Москва, 1868, кн. I).
- 4) А. Скальковскій — Історія Новой Сѣчи. Одесса, 1841.
- 5) Гр. Надхин — Память о Запорожьи и о послѣдних днях Запорожской Сѣчи (Чтенія Моск. Об. Ист. и др. 1876, №3).
- 6) Архив крѣп. св. Елизаветы (Зап. Одес. об. ист. и др. т. XIV).
- 7) Дѣла, касающіяся Запорожцев с 1714—1774 г. (Зап. Об. Ист., т. XIV—XVII).

- 8) Матеріали по ист. Запорожья, найденные под престолом Сѣчевой церкви в 1775 г. (Зап. Од. Об. т. XIV—XVII).
- 9) Ф. А. Щербина — Ист. Куб. каз. Войска. Екатеринодар, т. I, II.
- 10) Куб. каз. Войско 1696—1886, Сбор. под ред. Е. Д. Фелицина.
- 11) Чтенія Имп. Рос. О-ва Ист. и др. 1867, кн. 3—4. Москва.
- 12) Мякотин — Очерки соціальной исторіи Украины. Прага, 1914.
- 13) С. Соловьев — Об исторіи движенія руссаго народонаселенія (Сбор. Дашкова. Москва, 1868 кн. I).
- 14) П. Кулиш — Записки о южной Руси. СПб. 1857, т. II.
- 15) Записка члена Малорос. коллегіи Гр. Н. Теплова о непорядках в Малоросіи. (Чтенія И.Р.О.И.Д.).
- 16) Д. И. Багалъй — Очерки ист. колониз. степен. окр. Москов. государ. (Чтенія И.Р.О.И.Д. 1885 г. кн. 2).
- 17) „Дѣла Донскія“. Рус. Ист. библ. и Донской Архив в г. Праге.
- 18) Короленко — Черноморцы. СПб. 1874.

В. Вазагов.

Соседи Казачества.

IV

О поэзии осетин.

Как уже было сказано выше, — вся жизнь современного осетинского общества проникнута духом патриархальности.

Вековым опытом закреплены и освещены в сознании этого общества те непреходящие обычаи и традиции, на которых построится вообще внешний уклад и быт осетинского народа.

Многочисленные предания и красивые сказания глубокой древности неизменно переходят из поколения в поколение, создают в душе современного алана душевные переживания, вызывающие в нем поэтические настроения. Эти настроения можно, пожалуй, назвать „поэзией патриархальных чувств“.

Современное поэтическое творчество осетин, проявляющееся в литературе, песнях и искусстве, преломляется, обыкновенно, через туман красивых преданий старины.

Красота, любовь, долг, героизм, истина и прочие проявления души, воспеваемые в песнях, передаваемые в сказках и былинах осетинской поэзии, созвучны с прошлым.

Очарование перед красотой старины отражается в современном поэтическом творчестве осетин. Старина и все ее прекрасное являются в настоящее одним из источников поэтического вдохновения осетинских поэтов.

Осетины, — это народ такого широкого и, притом, древнего эпоса, подобному которому трудно встретить.

Песни, сказки и былины оссов могут наполнить собой томы, и часто целые длинные зимние вечера в темной сакле, вокруг очага, проводят они в безмолвном наслаждении, слушая старого сказочника, или песенника, бряцающего на своей двухструнной скрипке — „фандуре“.

Своего рода осетинскими, часто кабардинскими нибелунгами являются нарты. Весь осетинский эпос вертится на рассказах о подвигах нартов. Нарты — это особое племя богатырей, предки осетин, живших, когда-то на Кавказе, это народ-завоеватель, оставший в своем потомстве фантастические воспоминания о былых деяниях.

В названии некоторых аулов рек в осетии по имени нартов несомненно обнаруживается факт исторического обитания нартов на С.Кавказе.

Нарты жили Бог знает как давно, но их знает не одна Осетия, но и вся Кабарда и некоторые народы Кавказа.

„Когда небо еще не сгушалось, а земля только-что сплотилась, я был мужчина в зрелых летах“, говорил о

себе один из славнейших нартов, Сосрыкб, сын Сатанэ. „Когда Бештау был не больше кошки и через Итиль (Волгу) шагали мальчики, я был старик в полной силе“.

Нарты не поклонялись Богу. Батирас или Батрас, осетинский Прометей и Геркулес, не только уносит в своем кармане, на своем чудесном коне „Дурдуре“ „длину земли“, не только пытается поднять „всю тяжесть земную“, но еще истребляет семью-семь фараонов, семью-семь ангелов и отказывается повиноваться самому Богу, который, наконец, уничтожает его за его гордость.

Нарты жили еще тогда, когда земля была переполнена великанами и людоедами.

Нарт Уризмаг, брат и муж мудрой нартовской героини Сатанэ, проделывает с одноглазым людоедом-великаном ту-же хитрость, какую проделал Улисс (герой Одиссея) с одноглазым циклопом Полифеном, таким-же пастухом и жителем пещеры, как и людоед нартовских сказаний.

Трудно решить, кто похитил друг у друга основной текст этой легенды: Гомер у осетин, или осетины у Гомера.

Перед великанами, с которыми сталкивались нарты, они казались такими-же карликами, какими перед ними, нартами, казались обыкновенные люди. Такими-же великанами были и звери, птицы, населявшие тогда землю. В одном нартовском сказании описывается, как ястреб унес в когтях быка, на одной лопатке которого был после построен аул; эту лопатку с целым аулом перекидывала с боку на бок лисица, а дочь великана перевернула коромыслом лисицу, полшкурки которой не хватило на шапку ребенку. Эта-же лопатка попала, как заноза, в глаз пастуху-великану. Так чудовищны были размеры мира, в котором жили нарты.

Так титанически описываются нарты в сказаниях осетин. Напр., пастух-нарт кидает в убегающего волка камень, оказавшийся целой пещерой, в которой сидели пять богатырей.

Нарты славятся не только своей храбростью, силой и твердостью слова, но еще и необыкновенной хитростью; их герой Сосрыкб — это чистый Улисс, многоумный и, как и Улисс, он тоже безвредно спускается в подземное царство мертвых.

Нарты роскошны и щедры. До сих пор, когда осетин хочет похвалить гостеприимство хозяина, он говорит: „щедр, как нарт“. Называть мужчину нартом, — это высокая похвала, или женщину называть Сатанэ. Слово нарт теперь делается нарицательным: оно выражает все хорошее, сильное, красивое и благородное.

Вообще нарт — идеал воина и счастливого человека в глазах осетина.

Нарты сожжены огнем Божиим за то, что не поклонялись Богу, и с тех пор их место заступило царство жалких маленьких людей и безильных трусов.

Однако, сохранились песни, которые показывают, что нарты действовали и в историческое время. Такова песня о смерти нарта Боксана, сына Даусова, сочиненная, по преданию, сестрою его и относящаяся к IV-му веку по Р. Хр., эпохе столкновения кавказских горцев с готами.

„Геройство Боксана освещает антский народ своими доблестями.

О, родина Даусова Боксана, хотя он уже не существует, но когда будет добывать тебя гот, не покояйся!

„Сонм нартов, отводя щитами удары вражеских копий, единодушно призывал Бога на помощь, но Боксану не удалось участвовать в этой молитве.

„Весь народ почитал его за благого духа; когда начиналось сражение и удары блистали, как молния, его присутствие поселяло в антском народе уверенность. Готские истязания не прекращаются; весь антский народ пришел в отчаяние, потому что восемь пар волов привезли его тело на родину. Собравши греков, я предложила им сделать памятник; хотя каменный образ ниже его, но сходство с ним уязвило мое сердце.

Народ не покидает траура и, чтобы его увековечить, реку Альтуд назвала Боксаном“.*)

Памятник, о котором говорится в этой замечательной песне, действительно был найден на берегу Етока на С. Кавказе и находится ныне в Пятигорске. на памятнике этом сделана фигура самого Боксана в полном вооружении и с изображением охот, попок, диких зверей, битв. Греческая надпись на этом памятнике действительно упоминает Боксана и свидетельствует, что памятник воздвигнут в IV-м веке.

Тяжелое экономическое, земельное и безправное положение, в котором очутился осетинский народ в результате исторических событий наложили свой отпечаток на произведения осетинских поэтов. Народные песни и произведения поэтов проникнуты печалью, а потому песни и даже танцы осетин носят печать меланхолии. Любовь к своему краю и преданность своему народу — вот основные мотивы творчества лучших поэтов осетин и в числе их Коста Хетагурова — осетинского Пушкина.

С наступлением лучших времен для национального творчества, нужно полагать, что и поэтическая сторона народной жизни осетин получит характер поэзии не „угнетенной“, и направится в русло свободного прогресса, выявляя душевный расцвет освобожденного народа.

*) Существует и поныне.

Инж. Т. В.

Экономика и проблема самостоятельности.*)

Окидывая взором общественно-политическую прессу эмиграции из бывшей Российской Империи и приглядываясь к тем ее отделам, которые затрагивали и затрагивают вопросы будущего государственного строительства, как самой России и тех государственных образований, которые уже defacto возникли, или возникновение которых составляет проблему дня, — так и просто вопросы взаимоотношения бывших частей дореволюционной России, мы замечаем интересное явление: упомянутые вопросы трактуются и разбираются с самых различных точек зрения, кроме одной — экономической. Под знаменем последней точки зрения проходя в лучшем случае лишь описания природных богатств отдельных частей бывшей Империи. Но разве этим исчерпывается „экономическая точка зрения“?

Сколько желчи было пролито в стремлении одних авторов доказать, что украинский язык — есть именно язык; у других — опровергнуть, что такового языка нет, а есть лишь „малорусское наречие“. Спорили так, как будто от решения именно этого вопроса зависело, будет ли Украина самостоятельным государством, или лишь частью другого государства. И как мало, в то же время, строк посвящено было вопросам экономики Украины, как самостоятельной экономической единицы. С каким восторгом из всеми забытых архивов выкапывались оглоданные мышами допотопные документы, „грамоты“, „письма“ и т. д., чтобы доказать, что n + 1 лет назад (а это „n“ измеряется, обыкновенно, сотня-

ми лет) там то, там то, тогда было сказано или написано именно вот это слово, а не иное!

А вопросы „крови“ и „местничества“ в эпоху московских царей? И т. д., и т. д. — это все „различные точки зрения“, различные „политические подходы“. Мы несколько не склонны считать все эти вопросы „неинтересными“; даже больше: они очень интересны не только для специалиста-историка, филолога и др., но и вообще для каждого смертного. Но... но и только. Придавать этим точкам зрения какое либо существенное практическое значение при разрешении проблемы государственного строительства в наше время — мы совершенно отказываемся. Пусть высказываемая нами мысль слишком субъективна и ультра-экономическая, но мы, дабы подготовить читателя к дальнейшим „ужасам“, которые он от нас услышит в этой статье, все же ее выскажем: пуд экспортируемого зерна мы считаем более веским аргументом в вопросе государственного строительства, чем пуд самых достоверных грамот и документов; для нас является абсолютно ясным, что в XX веке на доводах „филологии“ строить новые государства или удерживать державы старые в прежних границах нельзя.

Баский язык есть — баского государства нет и со 100% вероятностью можно сказать, что никогда и не будет. Перуанского, боливийского, чилийского, американского, и т. д. языков нет, но это несколько не мешает существовать этим государствам.

Так же для нас очевидно, что и клочья пергамента сами по себе в XX ст. не могут быть ни реальным фундаментом для образований новых, ни клеем для держав старых. Они в лучшем случае могут быть формой, в которой заключено нечто другое более существенное. Сан-Марино может существовать в пределах Италии не на основании того или иного договора, но потому что: а) такой „курьез“ привлекает тысячи туристов оставляющих в пределах Италии миллионы, — т. е. Италии это „выгодно“; в) нет доводов, на основании которых итальянское правительство могло бы полагать, что лишение Сан-Марино его суверенных прав было бы для Италии „выгодное“ настоящего положения дела. Швейцария существует не потому, что ее „признают“, но силой международного политического равновесия; нарушая таковое — в один прекрасный мо-

*) От редакции. Помещая настоящие очерки в „В. К.“ мы считаем нужным отметить, что экономическая точка зрения на самостоятельность или экономические аргументы за или против самостоятельности Казачьих Земель несколько не утратили бы в силе своей доказательности от того, если бы автором не были так обезценены и аргументы другого порядка — исторические, „филологические“ и др. Тем более что в данном случае все эти аргументы „не мешают“ и не противостоят друг другу.

Экономическим моментам в нашей общей программе мы придаем не меньшее значение, чем и автор этих очень интересных и ценных очерков, но, по нашему, отсюда не следует, что нужно умалывать значение и роль других моментов.

мент ее постигла бы судьба Бельгии во время Великой войны. Нет никаких оснований ожидать раскола С. Штатов на том основании, что штаты с населением преимущественно английского происхождения пожелаю вдруг присоединиться к Англии, немецкого к Германии.

Что мы хотим всем этим сказать? А то, что все упомянутые факты (происхождение, язык, договоры минувших дней) с нашей точки зрения не являются „*Speditio sipe qua pop*“ для образования государства, ни даже особенно существенной скрепой уже существующего. Всякие новые постройкы только на этих началах мы считаем шаткими, ремонт с их помощью зданий старых — ни к чему не приводящим. Нам могут возразить, что никто на таких отдельных факторах ничего и не основывает, важна мол их сумма, дополненная рядом других данных. Однако, просматривая эмигрантскую прессу, мы видим, что именно эти три начала обыкновенно и принимаются за начала наиболее веские и существенные; разве что во главу угла ставится то одно из них, то другое; все же остальное, если и не отвергается голословно, то все же как то отодвигается на задний план, затушевывается. С такой расстановкой факторов по степени их важности мы не согласны.

Мы не будем обзирать другие факторы, фигурирующие в спорах pro и contra возникновения новых государственных образований на территории дореволюционной России: во-первых это уклонило бы нас значительно от темы, во вторых на уже проведенных фактах мы в достаточной мере показали наше отношение ко всем подобным способам доказательства, кроме того, которым нам предстоит заняться в дальнейшем: экономической постановкой вопроса.

Вопрос о том, что собственно является предметом изучения экономики, как известно, никогда не получил еще ответа признаваемого всеми. На протяжении времени существования политической экономии, как научной дисциплины, на этот вопрос давались самые различные ответы... Определить „предмет политической экономии“, это, собственно, значит найти точку зрения, с которой она исследует явления. Такой исходной точкой мы будем считать момент „экономической оценки“; отличительной же чертой этой оценки (в отличие от других точек зрения) будет связь ее с количественным моментом, возникновения понятия „полезности“ и возможность выразить (хотя бы теоретически) оценку в виде цены, в деньгах.

Выражаясь в самой грубой форме, экономический подход, экономическая точка зрения возможны везде там, где есть цена, где можно (хотя бы теоретически) продавать и покупать, где могут быть в том или ином виде спрос и предложение. Полезность солнечного света, по крайней мере до тех пор, пока наука не придумала чего либо, что его бы могло заменять, вообще в деньгах измерить нельзя; тут, следовательно, экономический подход невозможен. Но как скоро солнечный свет начинает использоваться, — экономическая оценка начинает применяться и к солнечному свету: его „покупают“ в солнечных ваннах и т. д. Итак, основной аршин экономики, — это цена во всех ее видах и проявлениях.

Условимся теперь, что же мы будем мерить этим аршином. Экономика не имеет определенного объекта для своего изучения, объекта, подлежащего только ее ведению. Однако, в видах целесообразности мы выделим область, с которой и будем оперировать в дальнейшем. Этой областью для нас будет область хозяйственной жизни. Субъектом этой хозяйственной жизни будут как одиночные хозяйства, так и их совокупность, обнимающая сумму хозяйств определенной территории. Во время возникновения теоретической экономической науки под объектом изучения политической экономии и понимали „народное богатство“. К такому толкованию, между прочим, возвращаются и современные англо-американские экономисты. От употребления слова „народное“ мы постараемся воздержаться, дабы не стать на скользкую плоскость понятий „народ“, „нация“ и т. д. Однако, приблизительно явления именно этой области и будут предметом нашего дальнейшего рассмотрения.

Далее мы должны указать на одну особенность, с которой будем заниматься трактуемым вопросом: все оценки мы будем производить во времени настоящим и от него переходить к оценкам во времени будущем. Этот метод мы считаем единственно удовлетворительным при анализе идей „самостоятельности“ с чисто практической точки зрения. Для установления цены в данный момент мы не будем взирать на то, какая цена была вчера. Прошлое для нас интересно лишь как источник опыта, как источник, дающий огромный практический материал, облегчающий понимание настоящего и предугадывание будущего. Далее, для нас важно прошлое, как нечто, откуда выходят корни настоящего. В этом отношении прошлое для нас интересно, ценно, знание его необходимо. Однако, оценивать данное явление той или иной ценой только потому, что именно такой ценой оно оценивалось в прошлом, мы принципиально отказываемся. Поясним примером свою мысль. Есть группа эмигрантов, которая совершенно не интересуется тем, что творится в наши дни в СССР; ее „*crede*“ сводится к одному — „святая месть!“ Для нас же большевистская власть не приемлема потому, что она в настоящее время держит наших родных и братьев под ежеминутной угрозой расстрела или ссылки, — потому что она в настоящее время смеется над всем, что для нас свято и т. д. Она неприемлема для нас и потому, что ничего иного мы не можем ждать от нее и в будущем. На основании же прошлого советской власти — мы не можем производить ее оценки и принимать или не принимать в настоящем. То — область прошлого, мы — хотим настоящего и желаем, чтоб нам принадлежало будущее. История возникновения большевистской власти — это лишь источник дающий нам опыт в своих отношениях к ней в настоящем и указывающий пути страховки на будущее, но вовсе сам по себе еще не определяющий ее цену в настоящем. С этой точки зрения мы считаем всякую „месть“ такого же рода безрассудным лишенным всякого элемента целесообразности шагом, каким считали бы поведение пассажиров тонущего парохода, накинувшихся избивать виновного в кораблекрушении капитана, вместо того, чтобы кидаться к спасательным поясам и лодкам. Тут бы говорили страсти. Мы уже в процессе своих экономических оценок отказываемся от всех страстей и чувств и вызываем к холодному объективному разуму и расчету. Вот почему для нас все вопросы происхождения народов, всяких изысканий о том, кто откуда пришел и куда переселился имеют сами по себе хотя и большой, но чисто отвлеченный интерес, и малое практическое значение. Южно-американские республики борются за свою самостоятельность против порабощения американским капиталом без союлок на свое происхождение. Буры с воодушевлением сражались в рядах англичан не вспоминая о том, что разыгрывалось несколько десятков лет назад у них на родине. Русско-японская война, а через несколько лет борьба обоих в союзе против Германии. Наполеон в Москве, крымская осада — пышный прием Пуанкаре в Петрограде. Америка довершает поражение Германии — теперь дает ей кредиты и т. д., и т. д. Вся история всех стран и всех народов говорит одно: побеждает настоящее или будущее, но никогда — прошедшее. На прошлое кладут венки, им восхищаются или его стыдятся, им хвалятся, его вспоминают, но... вперед идет только настоящее. Политика и дипломатия часто ссылаются на прошлое и им прикрываются, но базируются лишь на интересах настоящего или будущего. В этом сила ее „грубой реальности“, — запасемся и мы ею!

Итак, для решения затронутого вопроса мы избрали аршин для измерения, указали объект и особенность предстоящего измерения. Теперь попробуем поставить проблему в чистом виде. Чем по существу является проблема политической самостоятельности с экономической точки зрения? Наш ответ будет таков: вопрос политической самостоятельности с экономической точки зрения сводится к решению в числовом порядке задачи, какая из данных возможностей политического бытия является экономически более выгодной. Если бы сумма полезностей и выгод, которые бы имели место в настоящее время и в доступном предвидении будущем

была бы для данного образования максимальной лишь при наличии, напр., автономии, то именно этой формы своего политического бытия и должно добиваться данное „территориальное образование.“ Слово „территориальное образование“ в данном случае означает просто совокупность хозяйств, находящихся на данной территории и связанных между собой процессом обмена.

Как скоро мы употребили слово „полезный“, встает вопрос „для кого?“ Что для одного полезно, то для другого вредно. В зависимости от того, для кого производится оценка, та или другая форма политического бытия может рассматриваться, как „выгодная“ или „невыгодная“. Будут ли результаты оценки для разных сторон одинаковы, будет ли данная форма для двух сторон, например, одинаково выгодна, — тем лучше. Будут ли результаты иные и степени выгоды для обеих сторон разные, — вопрос решается или компромиссом или борьбой, длящейся так долго, пока не наступит равновесия выгодностей для борющихся сторон: одной из сторон (побежденной) окажется выгодней принять условия победителя, чем продолжать борьбу; другой стороне (победителю) — выгодней уступить часть своих требований, чем добиваться дальше полностью их удовлетворения. Хороший пример решения проблемы именно в этой плоскости „выгодности“ представляет строение Английской Империи. Доминионы и колонии привязаны к метрополии не общностью языка, одинаковостью происхождения или другими аналогичными факторами, но взаимными экономическими выгодами: Австралия также нужна метрополии, как и метрополии Австралия; степень выгоды для обеих одинакова — налицо устойчивое равновесие и в политических взаимоотношениях. Как скоро северо-американским колониям подчиненность метрополии перестала быть выгодной, они стали добиваться и добились другой формы своего политического бытия — полной политической (государственной) самостоятельности. До тех пор, пока выгода от пребывания под английским скипетром не станет для Индии максимальной из всех имеющихся возможностей, до тех пор Англия всегда будет иметь основания опасаться за судьбу наипрекраснейшей жемчужины своей короны.

К аналогичным расчетам, нам кажется, должна свестись и та политическая неразбериха, которую создала русская революция и распад Русской Империи. Все идеологи Единой Неделимой России должны понять, что Россия может стать вновь даже „крепко неделимой“ только тогда, когда степень выгоды от этого единства станет и для каждой отдельной части б. целого превышать выгоды других представляющихся возможностей. Казачество никогда не откажется и не может отказаться от „самостийных“ идей, пока выгоды строительства на этих идеях будут в его глазах превышать выгоды строительства на других началах. Крах „единства“ России есть крах выгоды этого единства. Добровольное восстановление „неделимой“ обуславливается теоретически доказательством для всех ее слагаемых выгоды этого единства. „Докажи мне, что я не прав, и я пойду к тебе в рабство“, — говорили когда то философы Древней Греции. То же за ними смело может повторять и казачество по отношению ко всем, кто безоговорочно требует старого. „Самостийность“, „сепаратизм“ и другие, как говорят „истинно-русские люди“ — „яды, отравившие русский народ“, — это не яды, и переоценка ценностей. Это силой природы вставшие во весь рост и могуче требующие своего разрешения проблемы выгоды. „Мы хотим то, что нам выгодно!“ — вот законный клич, лозунг, и истинная природа всего того, что „отравляет“ народы бывшей Империи.

Много лет уже прошло от дня, когда развалилась Российская Империя. Сколько времени еще остается до дня, когда народы бывшей Империи вольны будут определять сами свои судьбы, — никто не знает. Но ясно одно: инерции былого уже и теперь недостаточно, чтоб опираться лишь на одну ее. И нечего цепляться жалостно за осколки прошлого. Нужно строить новые начала. А главное из этих начал, которые и должны лечь в основу всего, — это начало „выгодности“.

В такую форму выливается по нашему мнению экономическое толкование помеченной проблемы. Дальнейший анализ ее мы относим к следующему номеру журнала.

Кубань в большевицком зеркале.*)

II.

„Так вот, значит, про „историческое“ обоснование того, что на Кубани живут не „руські“, не какая нибудь особая „кубанская нация“, а таки самые настоящие украинцы.

Когда говоришь об этом с местными людьми, то имеешь иногда довольно „кумедні“ впечатления.

Это, наверно, потому, что Кубань (Черноморья) — terra incognita (неизвестная земля), не только для нас, живущих на Великой Украине, но и для многих, многих местных исконных жителей.

Однако, перейдем к „балачкам“. Коротко их можно формулировать так:

Например, в станице Ахтырской, живет дед Телига, тесть Безкровного...

Так вот дед Телига говорит:

1) — Кубань — младшая сестра Украины...

Что значит „сестра“, какая „сестра“, какой Украины „сестра“, — этого, конечно, дед Телига не поясняет. Но это считается за „голос народа“. Хотя в этом голосе никакого содержания нет, ни политического ни практического.

Это содержание есть у других. Они говорят:

2) — Ну, чего же нам под „Москвой“ пребывать?.. Взяли бы и присоединили к Украине; тут же и совсем близко — Азовское море и Украина.

Снова таки сторонники „присоединения“ не выражаются точно. Это, так сказать, патриоты, поборники

Украины „от Сана и Карпат до Дона и Кубани“, и думаю, что для них все равно, к какой Украине присоединиться: к буржуазной или советской, лишь бы к Украине.

3) Но здесь (на Кубани) преобладает третий взгляд, который можно квалифицировать, как закрепление за нею, как узаконение на веки веков кубанской отделенности.

Я назвал бы его „казачьим“ взглядом или, как здесь говорят, взглядом „сознательного казачества“, которое не забыло, что оно происходит от славных запорожских казаков и признает свою кровную связь с Украиной. Его можно выразить словами:

— Волим под Украину, но с одним условием...

Эти условия высказал и развил передо мною один из местных жителей. Он говорил:

— Вообще, наши кубанские казаки великие местные патриоты.

Они считают Украину за свою мать, но никогда не согласятся на такое объединение с нею, чтобы Кубань обратилась в обыкновенный (украинский) округ. Ну, если хотите, на началах федерации, даже, правильнее, на конфедерации, на это сознательное казачество пойдет. Это так, а иначе и не гадавайте.

Так вот это взгляд „автономистов“. А цель „автономическая“?

Темна эта цель, как вода в реке Кубани.

Только следует указать, что „автономисты“ никогда не вспоминают об иногородних.

*) См. №№ 17/18, 19/20 „В. К.“

Далее следуют такие:

4) — Никаких украинцев на Кубани нет... Здесь живут испокон веку одни русские... — ну, эти „фрукты“ нам известны.

5) Затем — мы не русские и не украинцы — мы казаки.

И в конце концов:

6) — Я считаю, что впоследствии придется выделить Кубанский округ в отдельный автономный украинский округ. Выделили же мы в Горской республике такой казачий округ. Почему здесь этого нельзя?..

Как видим существуют пять — шесть взглядов.

И все они имеют в основе одно:

— Кто же такие кубанцы?

К слову сказать, когда я кого нибудь убеждал в наивности его взглядов, когда я говорил, что мы в советской Украине не собираемся „присоединять“ Кубани, ни „аннексировать“, ни вообще творить какой-нибудь там „автономии“ или „федерации“ с Кубанью, то мои слова, к удивлению были встречаемы и выслушались с большим недоверием и даже встречались в раждебно.

С одной стороны, представители „не было, нет и не будет“ украинцев на Кубани — боятся и не верят этому, —

— Как же так? Если здесь будет Украина, значит будет и украинизация. А поэтому, что же нам прикажете: уйти прочь?!

Апелляция к фактам на Украине, приведение примеров того, как производится украинизация, у нас, где совсем никого не гонят прочь, исключая заядлых русофобов подрывающих советскую работу, — их не убеждает...

Что же касается „патриотов“, то их тоже не удовлетворяет. Когда их убеждаешь, что Советский Союз не есть какая то застывшая форма государственности, что он строится, что в процессе роста, развития и проведения партией национальной политики могут возникнуть всякие изменения, они только покачивают головами.

И уже они совсем не понимают нас, когда мы рассматриваем „самостийность“, „союзность“, „автономию“, не как абстрактную формулу, а с точки зрения целесообразности и закономерности интересов революции и интересов всего человечества.

Перед ним стоит угрозою, пугалом, „Москва“ и они расценивают это (оставление Кубани в пределах РСФСР), как капитуляцию перед „Москвою“, как измену и сдачу национальных „позиций“.

На мой взгляд это безнадежные люди.

Но я уклонился от темы. Все это я привел для того, чтобы указать, сколько сумбура и неразберихи накопилось здесь в национальном вопросе.

VI.

Разумеется революция внесла свои „поправки“.

Прежде всего уменьшили пай, т. к. пришлось давать землю не только казакам, но и городовикам.

Разговорился я как то с казаком ст. Полтавской.

— Ну, как — спрашиваю, — живете?

— Да ничего, только раньше лучше было.

— Почему же лучше?

— Земли было больше, да и так.

— А служба?

— Ну, что служба. Подрастает сын, вот его и начинаешь уже „оправлять“. Податей тогда никаких не платили. Что засеял, то собрал, то и продал, шло все или на хозяйство или на себя. Иной так, одного за другим, трех, а то и четырех „справлял“.

Казак этот, видно было, был крепенький, а потому его служба и не пугала. Вообще прикубанская станица, которая жила хлебом, состоятельно, была наиболее консервативна и к „городовику“ относилась неприемлемо. Это она же, прикубанская станица, была главной опорой и Кубанской Рады и белых генералов, особенно „батыки“.

Это, опираясь на нее, сказал как то Рябовол „городовику“:

— „Городовики у нас, на Кубани, что жида на Украине — никаких прав“.

А когда городовик потребовал земли, то его разложили, выпороли и набили земли в рот и в зад, приговаривая — „земли тебе мало, на ешь, подавись“...

Закубанская станица беднее и в ней и революция прошла дружнее и „оглядывань на старину“ меньше.

Так вот, какие же изменения принесла революция в Кубанском округе?

Мы уже не говорим о том, что Кубань „политически“ развенчана и центр Края перенесен в Ростов.

Произошли огромнейшие изменения в социальном положении станицы и в ее экономике.

Из „хлебной фабрики“ через руину, войну и революцию Кубань, а значит и Кубанский округ, обратилась в край с незначительным вывозом хлеба.

... Норма на едока по всему краю, 2¹/₂ десятины; по отдельным станицам она, конечно, изменяется.

... В степной части и до сего времени сохранилась переложная система, вообще же есть и трехполье — пережитки тех времен, когда на Кубани земли было „хоть залейся“.

Потенциальные силы кубанского чернозема грандиозны, что показывают хотя бы, например, опытные станции. Озимая пшеница может давать 144 пуда. а яровая 114 пудов на десятину.

Природа щедро одарила местного хлебороба и на пути нового расцвета края лежит одно — застаревшая форма дореволюционного хозяйства.

Кое-кто из упрямых оглядывается назад — „он як тоді добре було!“

Но большинство понимает, что возврата к старому нет и не будет, — и молодежь берется за землю по новому.

Столица Кубани Краснодар (прежний Екатеринодар), достаточно большой город с 144.000 населения.

Теперь Краснодар не только окружной город Кубанского округа, но и столица Адыгейской автономной области. Как культурный центр, Краснодар имеет далеко большее значение, чем окружной. В нем есть несколько ВУЗ'ов: Педагогический институт, сельско-хозяйственный, медицинский: техникумы — Педагогический, Индустриальный, Сельско-хозяйственный, Акушерский, Музыкальный.

Улицы в Краснодаре чисты, но зелени мало.

В семи верстах от Краснодара — станица Пашковская. Пашковская — типичная прикубанская станица, большая до 18 тыс. жителей и не бедная.

От площади во все стороны побежали ровные улицы. Постройки все под шнур, ровно, а за ними сады, виноградники.

— Вы обратите внимание на постройки, — говорит мне тов. П.

Действительно, станица мало похожа на наше село. Крыши крыты железом, черепицею; точно также и сараи, клуны, хлевы.

Кой где лишь встречаешь хатку под соломенной крышей.

— Хорошо живут! — говорю я.

— Теперь не так, — отвечает П. — Вот вы бы посмотрели, как они когда то жили. Тут мне как то один казак жаловался:

— Нет, не та жизнь теперь... То когда-то, как у меня родился сын, сейчас пай на него в 20 десятин получай. А теперь? — махает рукой. Имею я сейчас 60 десятин, да у школы арендую 40, да еще там кое где... Ну, разве это то, что когда то? Нет, не такая теперь жизнь.

На улицах много молодежи, больше „зеленой“. Старых не видно, либо дома сидят, либо в поле.

Форма штанов — исключительно галифэ, шапка-кубанка с красным верхом, наверно свой станичный шик. И удивительно, не слышно песен. Наше украинское село разливается от песен, а здесь тихо...

— Казаки замолчали, — говорит П...

Думи и мысли казачьи.

Вл. Куртин.

Брати мої, сини мої.

Не где-то, когда-то, но у „Вільному козацтві“, 25 лютого прочитав я стихотворення Гната Макухи:

Брати мої, сини мої...

И после того, все время я весь нахожусь во власти настроения, созданного тем стихотворением. а в голове, без моей воли, вопреки моей воле, непрерывно повторяется все одно и одно:

Брати мої, сини мої...

И ни одна „посторонняя“ мысль не может пробиться в тот круг, где вьются упрямые невеселые думы, и в центре которого:

Брати мої, сини мої...

... Вижу грустного, сурового Бульбу, як сидить під дубом, с рушницею на колінах низько схиливши голову. И шелче все одно, та одно:

Остапе мій, Остапе мій...

Вижу тысячи, десятки тысяч безусых казачат, как со смехом бегут на проволоку Черного Яра, Каховки, Шуперки...

Брати мої, сини мої...

... Под'езжают к пристани. Соскакивают с коней. Целуют их в мокрые, пеной покрытые губы... треск револьвера: Стон предсмертный... Схватившись за голову, шатаясь, не оглядываясь назад, идут к пароходу...

Трал поднят.

— Проклятые!..

Закружились. Заметались... Наган коло уха... треск...

Брати мої, сини мої...

... Шумят волны, захлестывают палубу, стекают в трюм. Размывают земляной балласт... В грязи, один около другого, один на другом, точно трупы, лежат:

Брати мої, сини мої...

... Проткнув овчинный кожух морским трезубцем напинаясь изо всех сил, тянет негр на палубу умершего от ран, голода и вшей „малолетка“. Замахивается — всплеск...

Остапе мій, Остапе мій!..

... Я не хочу думать об этом! Не хочу!.. Хочу разбить обруч, скованный стихотворением. Выхожу из хаты. Гляжу на горы...

И слышу, как глубоко под ними, в отравленных тунелях стучат кирками:

Брати мої, сини мої.

Как плачут — поют в подземельи:

Вийди доле!

А з зруйнованої Неньки-Кубані відчувається:

— Не вийду. — бо й сьма в неволі...

Під караулом московським... У тюрмі!..

Обруч сжимается сильнее и сильнее. Думы вьются, бьются... Выхода!..

Опять Гнат. — Він загнав, він і визволив — з тими,

... Хто у драній свитині

Волю Кубані кує і в чужині...

З тими з'єднаймося,

Брати мої, сини мої!

Козацька нація.

У всіх у пам'яті глумливі вискази росіян, від Бєлінського починаючи, через Валуєва і Горькім кінчаючи, про Українську Націю, українську культуру і українську мову. Не зважаючи на живий, наявний факт, для них України „нет не было и быть не может“. Цей парадокс значить не що інше, як те, що з замість даними дійсного життя російська свідомість орудує поняттями, продіктованими шлунком, намаганням знищити немилі і невідгідані їй явища.

Чи не з такими, або ще гіршими запереченнями має зустрітись ідея Козацької Нації. Для Москалів мусить видатись просто дивовижним змагання Козацтва од власної історичної ролі. Козацтво, мовляв, це найбільше колись особний стан (сословіє) в старій Росії, стан який, зрештою, в умовах сучасного громадського, політичного і господарського життя не має рації і засуджений, власне, на заникнення. Аже в своїй більшості Козацтво є однаковим по мові, расі і релігії з „руським народом“. Цих міркувань вповні вистарчить для Москаля, щоби уневажнити і поховати ідею Козацької Нації.

Але в дійсності справа не стоїть так просто і так безнадійно. Дарма, що Козацтво в значній частині етнічно, культурно і релігійно близько Росіянам. Це ще не доводить спільність національну. Маєм перед очима Америку. Англійська раса, англійська мова, англійська культура, а нація не англійська, а американська. Видно, що по за вичисленими прикметами нації єсть якісь ще інші і вони власне є рішачими. Певно вони, ці важніші прикмети, коріняться десь інше як в сучасності і десь глибше, ніж на поверхні. І чи ж не показово, що жадна із сучасних націй не є однолітна ні по расі, ні по мові, ні по релігії. Французи по національності, суть: бретонцями, басками, провансальцями, флямандами — по мові; кельтами, романами, германами — по расі; католиками, протестантами — по вірі. Англійці — це гали, шкоти, бріти, саксонці, нормани і т. ин. Італійці — це помісь латинців з різними германськими

племеними. Історія спаяла всі ті мови, раси, релігії в одне національне ціле і виробила одну національну свідомість. От власне в цім історичнім процесі і в психології ключ до пізнання істоти національності.

Козацький „стан“ — це шмат історії, це особний психологічний тип, це органічне явище суспільного життя Сходу Європи. На Україні це явище так глибоко закорінене, таке дуже і таке рішуче, що довгий час Україна була відома по всій Європі, як Козацька Нація. Такою вона є і в устах та в свідомості найвладніших її представників, Гетьманів Хмельницького, Мазепи, Орлика. Козацтво це той первень вколо якого складається і виробляється новітня Українська Нація. Козачий стан, відмінний від селянського (крестянство), затримався на Україні і по наші дні. Традиції старого козацтва відродились стихійно під час революції в формі організації „вільного козацтва“.

Але козацтво, як історичне явище, не обмежилось Україною, воно розпросторилось і поняло східно-європейські степи, давши в висліді козацтво Донське, Терське, не говорючи вже про Кубань, живий одрізок України.

„Козак“ по татарськи — вільний чоловік. Це той ухадник, що за часів князівських занирявся в степи та ліси. З мушкетом, чи мечем в одній руці, тримаючи плуга в другій, воював він дикі орди і розорював дівичі землі. Чи не в поєднанні меча з плугом полягає істота козацтва, як суспільного явища? Наш козак зрештою це той же піонер, що завоював велетенські простори американського материка, викорчував ліси, позакладав міста та фарми, створив могутню світову державу. Ця схожість, козака з піонером є справді вражаюча і вельми повчальна. До того ж їх лучить психологічні прикмети, та відвага, непокій, зятятість вільнодумство що належить обом типам. Утискувана соціально, переслідувана релігійно або просто охоча до ризику людність Зах. Європи в добу колонізації Америки знаходила захист і поле попису для своєї буйної вдачі за далеким океаном. Трохи пізніше на Україні, тиснена поборами, утікаючи від панського гніту, чи просто шукаючи небез-

пеки, відпливала вона в степи, на Запорожжя, на Південь. В тому ж таки напрямку на Південь, над річку Дон тікали ті, хто не міг або не хотів зносити похмурої півночі, темних теремів, московського оточення і царського деспотизму. Отже в основу психологічного типу, як американського піонера, так і казака, лягли неохота помириться з ярмом, улягти гнітові, непереможна тяга до волі, завзята зухвалість в пошуканні труднощів і в їх переборенні.

Що до козаків племені московського, то це були справді ті, яких виділило із себе середовище і які самі чулися чужими в рідному оточенні, далекі терпеливості москаля, нездібні коритись, зносити рабську підлеглість. Отже, елемент найбільш рухливий і відважний серед Москалів. І як глибоко різниться ця людність, що подалась у світ, від тої, яка залишилась під царем. Питомою рисою суспільної будови московського народу є те, що він не знав феодального режиму і російське панство (дворянство) є зовсім відмінного типу, як аристократія західно-європейська, або українське шляхецтво. В Росії дворянство було „служилым“. Воно не здобувало земель збройно, мужністю, працею, і лише недавно стало посідати їх в спадщину. Натомість царі „жалували“ своєю вірним „холопам“ — боярам як винагороду за прислуги. Обдаровані не могли довго засиджуватись на своїх „вотчинах“, вони користали з них довший або коротший час, побираючи данину, селянство ж, кріпаки уважались „людьми царськими“, а не дворянськими. Тим часом, як західно-європейський феодал і український державця власноручно, кривавим трудом добував маєтки, вони творили замки, несли культуру, охороняли людність і нею володіли. Вони створили лицарську етику, здані на себе, вони уміли давати собі раду, завжди загрожені, вони виплекали характер і волю. Того нічого не знало „служиле“ дворянство, що давало себе батожити царським посилакам, і жило та дихало лише царською ласкою. Традиції татарської орди глибоко вщепились в суспільне тіло і душу Росіян. Чи ж дивно, що по авторитетній заяві Мілюкова у московської аристократії так і не виробилось поняття честі, лицарськості. Та і де йому взятись, коли там не було і тіни лицарства.

Що іншого з козацтвом пня московського, чи українського, що потворили війська Донське чи Запорожське. Вони одного психологічного типу, що і західно-українська аристократія та українське панство. Його ознакою є неспідлеглість, вільнолюбство, свідомість власної гідності, своєї ціни і ролі. Лицарська етика разом з організацією була загально прийнята між Запорожським козацтвом. Боротьба за Віру Християнську оборона вдов і сиріт було завданням козаків на Сході, як і лицарства на Заході. Чи не для того, не через цю психологічну ріжницю козацтво не злилось з московського людністю пізніше, але залишилось особним „станом“. І коли воно стало „лідпорою трону“, то певно не з „холопської“ відданості, колишніх дворян, але скорше з пошани до свого слова, в порядку виконання добровільно прийнятого чи накиненого обов'язку. Оці то психологічні факти роблять Україну відмінним світом від московщини, а ціле Козацтво запереченням нутра психологічного типу, укладу, історії Московського народу.

Мають рацію московські імперіалісти, підносячи той факт, що мова, побут ще не становлять змісту національності. Цим вони намагались заглушити змагання „інородців“ до самостійности культурної, політичної, та підперти свою гегемонію над ними. Треба признати, що протягом історії російський нарід виявив велику силу розросту, сколонізувавши і обмосковивши великі простори Сходу Європи і Північної Азії. Перебравши традиції Великої Монгольської Імперії Чингіз Хана, Москва потрапила за сховними змаганнями і психологією азійських племен, втягла їх в свою політичну орбіту. Вона урєкрасно використала той факт, що по розвалі Монгольської Імперії ці племена не витворили своєї осібної історичної місії. Упоравшись з ними і докотившись до Тихого Океану, вона звернула свій гін на Захід і взялась підбивати та асімілювати народи європейські. І цей деякий час удавалось. Місією Російської Імперії було покласти на сторінки європейської історії вагу народів Сходу Європи, насамперед славянських. Звідси її популярність між Сербами, Болгарами, Чехами. Але щоби доконати тую місію треба було увійти в лоно європейської цивілізації. Але це то і було не під силу.

Запекла боротьба між „западніками“ і „славянофілами“ виявила великий спротив навіть інтелігентського прослойку московського народу, перестрою Московщини на європейський копил започаткованому Петром. Большевизм, як той пухирь прорвався стихійно і унаглядив органічну відчуженість російської маси засадам західної цивілізації і виправив історичну лінію, викривлену силою волі царя-деспота. Євразійці доповнили і усадили большевицьку практику. Їх історіософія, їх етика, їх політичні змагання в бік Азії глибоко сягнули в минуле Московщини і в саму душу її. Все говорить за тим, що власне вони суть виразниками снових прагнень московського народу і предтечами його майбутнього. Поворот до давніх органічних змагань московського народу означився насамперед розвалом Російської Імперії і здачею політичних позицій на Заході.

І от коли тяжка плита Царської Імперії завалилась, виявилось, що на просторах України, Кавказу і Передкавказзя є жива, діюча, стара історична місія цих країн. Вона то в значній мірі і спричинилась до упадку і відступу на Схід Росії. Виявилось, що Царська Імперія не була в силі задушити традиції Київської Русі і Русі Тмутараканської (Кубань), а ні знищити спогади про Козацькі Республіки на Україні та на Дону. При світлі революційних блискавиць повстали в пам'яті старі заповиті і замаєли на обрії тіні великих предків. Ожила давня слава і чим галасливіший ставав шабаш московських нігілістів, тим виразніше ставала відрубність історичних шляхів України, Кавказу, Передкавказзя від шляхів Московщини. Окрема політична і культурна місія цих країн і народів починає помалу вирисовуватись в свідомості цих останніх і унагляднюватись для європейського Заходу і цілого світу. Зміст тої місії встановлюється за традицією, так географічним положенням, рівно, як і психологічним типом, що ми його намагались накреслити. В відновленні, в зісилненні і в доконанні цієї місії ціла рація Самостійности України і запорука повстання і вироблення новітньої Козацької Нації.

Д. Андрівський.

В СССР.

Две оппозиции.

На совещании коммунистической партии в Харькове генеральный секретарь Коссиор сделал любопытные разоблачения относительно оппозиции в партии. По заявлению Коссиора „левая“ оппозиция снова подняла голову и нападает на советское правительство за то, что последнее не желает силою отнимать хлеб у крестьян. Левые оппозиционеры ведут агитацию среди рабочих, уверяя их, что „советское правительство обрекает городской пролетариат на голодную смерть“. Более опас-

ным представляется действие „правой“ оппозиции, именующей себя крестьянской. Эта оппозиция возражает против чрезмерной индустриализации страны. Она требует, чтобы было обращено внимание только на те виды промышленности, в которых непосредственно заинтересовано крестьянство. Вообще крестьянам, по мнению этой оппозиции, необходимо сделать всевозможные уступки. Само собой разумеется, что Коссиор заявил о „твердом“ намерении ЦК бороться, как с правыми так и с левыми оппозиционерами.

Снова голод.

В „С. В.“ помещена корреспонденция из Москвы о неурожае этого года.

По мере того, как выясняются размеры неурожая, настроение у всех, мало мальски задумывающихся над общими вопросами, становится все более пессимистическим. Приходилось слышать мнения коммунистов из самых ответственных кругов, и почти все они сходятся на том, что положение крайне опасно, некоторые говорят — почти безнадежно, а некоторые обходятся даже без этого „почти“. Об экспорте хлеба, по мнению специалистов по с.-х. экономике, нельзя и думать по крайней мере в течение ближайших трех лет. А общее положение многие характеризуют, как много более тяжелое и чреватое гораздо более опасными неожиданностями, чем положение в голодный 1921 год, т. к. времена теперь не те, настроения иные, и надежд на благотворительную помощь иностранного капитала — Ара! — нет.

Лондонская газета „Таймс“ сообщает:

Советское правительство отдало приказ чиновникам, занятым на хлебозаготовках и транспорте, работать по воскресеньям и праздничным дням. Чтобы обеспечить доставку продовольствия в промышленные центры. Наркомы труда, внутренних и путей сообщения разослали циркуляры своим служащим в Томск, Омск, Новосибирск, Саратов, Самару и другие хлебные центры с предложением „работать днем и ночью впредь до отмены приказа, дабы облегчить тяжелое положение в потребляющих районах“.

Во время празднования 11-й годовщины Октябрьского переворота предполагается разрешить в Москве двухдневную свободную продажу хлеба, белого и полу-

белого, и других продуктов. „Труд“ по этому поводу замечает, что хлеба, пожалуй, на этот случай хватит, но вряд ли хватит городских запасов чая, риса и макароны; правительственные органы, однако, утверждают, что „свободно могут покрыть 90 проц. спроса, который обв'явится в течение двух праздничных дней“.

Картонная система на важнейшие продукты питания, существующая уже во многих городах, введена и в Москве. Карточками будут служить кооперативные книжки. В официальном сообщении советское правительство выражает надежду, что до января ему удастся покрыть 75% потребности в масле и 80% — в яйцах. Цены на хлеб и муку невероятно растут, главным образом потому, что в западных губерниях, в особенности в Смоленской крестьяне толпами являются в города и закупают хлеб наравне с горожанами.

За последние дни хвосты в Москве все растут. Обв'яняется это слухами, будто с начала декабря хлеб вообще исчезнет.

Железный голод.

Чугунный голод становится угрожающим. Об этом свидетельствует лучше нежели какие бы то ни было цифры, отчаянное воззвание центрального комитета комсомола, который требует от городских и местных организаций образования бригад и отрядов по сбору железного лома, разворачивания городских свалок, проверки дворов, чердаков и подвалов жилых домов, поголовных обходов крестьянских дворов и совхозов в целях отыскания старого железа.

Казачья эмиграция.

Казачья эмиграция.

В поисках труда, взоры многих казаков давно уже обращаются на Францию. Целые тысячи казачьей эмиграции нашли уже себе там лучший или худший заработок. Многие еще из нас будут интересоваться и сейчас и в будущем условия трудового рынка во Франции.

В последнем (от 18 окт. с. г.) номере „Вольной Кубани“ помещено письмо одного из кубанцев из южной Франции, характеризующее условия современного сельско-хозяйственного труда и дающее желающим отправиться туда некоторые практические советы, не лишние, поэтому, интереса и для читателей „В. К.“ Приводим его в существенных выдержках.

„В Тулузу прибыли 25 июля, пишет этот корреспондент.

В Тулузе пробыли 3 суток, на четвертые выехали на одну из ферм работать. Плата 250 фр. в месяц на хозяйском довольствии. Работа очень тяжелая, работали 17 часов в день. Трое суток поработали, ознакомились с французами и через французского знакомого моего станичника А. Дейнега всего от нашей фермы, где работаем — 14 километров. Я его вызвал по телефону. Когда прибыл станичник, он мне сказал, что нигде на фермах 17 часов не работают, а работают всего 9 часов и то в летнее время. Я вместе со станичником поехал к его хозяину, у которого он держит ферму пополам, чтобы устроить нас на работу на одну из ферм, потому что его хозяин имеет 3 фермы и одну только сдал станичнику пополам, а две держит сам. Это нам удалось легко сделать, потому что рабочие очень были нужны. Условия работ: на каждого человека в год 4.000 фр., 600 литров вина, квартира, отопление и освещение. Квартира принадлежит большой огород. Хозяин разрешил разводить птиц: кур, индеек, гусей. Можно держать свиней, только 2; дает для посева кукурузы $\frac{1}{2}$ гектара в поле. Обработка этой земли — в свободное время на хозяйских быках. Работать — 8 час., зимой — 7 часов, летом — 9 часов.

Возвратился обратно на свою ферму, где работали, доложил своей группе. Первое время охотно согласился, а через неделю заявляю, что мы на эту ферму работать не пойдем. Я спрашиваю почему. Отвечают, что мало платят, мы лучше поедем на виноградники, где дороже платят; я же заявляю, что поеду на эту ферму и 20 августа я выехал туда. Легко было с переездом: приехали станичники, забрали вещи и меня и поехали, а хлопцы остались доживать месяц и поедут работать на виноградники.

Опишу, как мы устроились на новой ферме. Квартира такая: 1 комната, кладовая, проходной коридор. Электрическое освещение. Из мебели — 1 стол и кровать. В Сербии пришлось бы заплатить за такую квартиру самое мало 600 дин. Есть маленькое озеро, где сегодня наловили рыбы. Думаем разводить птицу. Это очень доходная вещь. Цыпленок, который стоил в Крайлево 8 динар, здесь — 20 фр.: дай, да нет. Яйца 12 шт. — 9 фр. Продукты очень дорогие. 1 ноября буду подписывать контракт на 1 год. Буду ухаживать за скотом, за что хозяин прибавляет мне до 5.000 фр., и дает одну корову молочную, так что дела тогда пойдут во всю. Скота 25 шт., стоит в конюшне. Из них 18 шт. быков рабочих и 7 коров молочных. 6 коров не доятся, а только пускают телят для корма и эти телята продаются за большие деньги.

Вы будете читать письмо и спросите, почему я умалчиваю за ферму. Постараюсь хоть вкратце написать. Ферму взять легче не может быть ничего, но для этого нужно знать французский язык, потому что взявший ферму на испольных началах, является полным ее хозяином. Ему нужно ездить в город — продать, купить, а, не зная языка, все дело испортишь. Земля не та, что у нас на Кубани. Нужно каждый клочок земли изучить и знать, что посеять и в какое время года. В этом году все фермы сели в галошу, одно — что недород, а другое, что эмигранты не знали еще как нужно удабривать, что где сеять.

Я был на нескольких русских фермах, что-же первый

год до урожая жили дружно, а последнее время делая между собой яблоки. Друг на друга кладут вино. В общем такие фермеры далеко не пойдут. Правда, одиночки и родственники живут очень хорошо, хотя и потерпели полную неудачу во всем, но эти еще выйдут из положения, а где нелады, то на первом году разберутся.

Я доволен, что мы так разошлись заранее. Мне легче будет на следующий год взять молочную ферму в Тулузе. На эту ферму требуются два мужчины и одна женщина, и к этому времени, прожив год на ферме, научимся французскому языку и дело пойдет тогда лучше. Лучше учиться сначала, чем брать ферму с первого года, не зная земли и обработки и терпеть неудачу.

Завтра после 5 часов беру быков и буду пахать огород. Думаю посеять салат, лук, чеснок и все то, что

может зимой расти. А зиму здесь, как говорят станичники, можно сравнить с нашей осенью. Могу только сказать, что мы с женой начинаем уживать, как говорят сербы.

С Сербией нельзя сравнить Францию. У нас в Сербии оставалось от полочки 100—150 дин. самое много, а здесь остается сейчас 150 франков, что равняется 315 дин. и довольствие не сравнить с прежним. Так что, кто думает сесть сразу на ферму, нужно подучиться, а потом садиться и тогда наверное не прогоришь.

Большими группами не советую ехать. Самое много 3 мужчины и одна женщина. Таких мест очень много. Кто думает жить и не тужить, пусть устраивается на ферму. Здесь отработают 8 часов, да и работа какая. Французы, рабочие, одной минуты не работают лишней и очень легко работают...

В Казачьих Землях.

Студенческий заговор против Соввласти в Краснодаре.

Недавно почти во всей иностранной прессе прошло короткое сообщение о раскрытии антисоветского заговора в Краснодаре. Только теперь удалось нам получить более подробные сведения об этом заговоре.

Начало организации „контр-революционной“ группы молодежи в Краснодаре относится к первой половине 1927 г.

С самого начала работы, подпольная группа поставила себе задачей — ведение активной борьбы против советского строя, за свержение Советской власти и диктатуры пролетариата.

Организатором группы явился студент Сел.-Хоз. института Г. Синдаровский.

Найдя близких себе по духу помощников, также питавших ненависть к Советской власти, к комсомолу и партии — студентов Педагогического института Соболевского и Поликсенова, Синдаровский приступил к организации группы.

Постановление об организации подпольной группы состоялось 1-го мая. Организация была названа „Первомайской группой“. Все члены группы, а их было пока 3 человека, вошли в центральное ядро группы.

Через несколько дней был готов устав и программа новой организации, составленные Синдаровским, и группа приступила к работе.

Основные положения организации следующие:

Всей организацией руководит центральное ядро из 5-6 человек. Организационное построение ее такое: вокруг члена центрального ядра группируется ячейка. Вокруг члена ячейки группируется в свою очередь, новая ячейка. Каждый член организации знает только свою ячейку и руководителя, не зная о существовании других ячеек.

Права центрального ядра неограничены. Директивы его выполняются немедленно. В организации существует строжайшая дисциплина. Не должно останавливать организацию даже изъятие отдельных членов ее.

Исходя из того, что „цель оправдывает средства“, организация может применять всевозможные приемы борьбы.

Программа „Первомайской группы“:

— Уничтожение органов ГПУ, допущение буржуазной демократии, легализация всех партий и тайное голосование.

Новые члены группы принимаются после обработки, ознакомления с новым человеком. В скором времени принимаются Магомет Апашев, Галуст Анпегков, Георгий Бунин и др.

Проводятся конспиративные собрания. Используются и легальные возможности. Для этого, а также и для втягивания новых членов, Соболевский и Поликсенов берутся за организацию литературного и философского

кружков, через которые можно обрабатывать молодежь с анти-советской идеологией.

Осенью Г. Синдаровский, параллельно с „Первомайской группой“, создает новую, строго конспиративную организацию. В нее входят новые члены: Савченко, Гавриленко, Мамрак, Ильин, Трудолубов, Колесников, Пожарская, Апашев и др.

За исключением Апашева, все — учащиеся школ 2-й ступени или подготавливающиеся в ВУЗ'ы.

Попрежнему руководит группой Синдаровский.

Собираются на конспиративных квартирах, чаще всего у Савченко. Все члены организации имеют каждый свою кличку. На собраниях говорят о необходимости действовать, добиваться осуществления своей программы. В одном из своих выступлений, Синдаровский предложил практически приступить к работе: достать шапирограф и вышустить листовки.

Шапирограф сделали сами. Рецепт достал Апашев, и, к десятой годовщине Октября, 400 листовок было готово. Листовки были выпущены под флагом оппозиции. Подписаны так: „Рабочий комитет оппозиции“.

Весь город распределили на районы, прикрепив своих членов к ним с листовками.

Попытались связаться с другими городами и рядом станиц. Командировали одного из членов, Ильина, в Новороссийск, и двух членов в станицы: Ново-Величковскую и Пензенскую.

В Новороссийске Ильин нашел своего друга Разумова, рассказал ему об организации, передал листовки, и дал поручения и планы об организации новороссийской группы.

Синдаровский стал говорить о более серьезной работе: приобретении оружия членами организации (сам Синдаровский через Ильина приобрел себе „Браунинг“), взрывах. Конкретно решили взорвать Истпарт*) и железнодорожный мост и перейти на печатание брошюр на печатном станке.

Выбрали также полномочный комитет в лице Синдаровского, Мамрака и Гавриленко,

Новый год встречали все члены организации вместе. Из не членов организации присутствовала Зинаида Крылова, учащаяся школы 2-й ступени. Как и полагается, были тосты за выполнение программы и намеченных решений.

Вечеринка окончилась. Провожать З. Крылову пошел Ильин.

Через два дня Савченко узнает от З. Крыловой, что провожая ее после вечеринки нового года, Ильин ей все рассказал: о группе, листовках, назвал членов организации и предполагавшую работу.

„У нас два выхода — или убрать Крылову или принять ее в члены организации“, — доложил Савченко комитету.

Решили убрать...

*) Архив комун. партии.

Синдаровский, Мамрак и Гавриленко попали на скамью подсудимых, и Адыгейский облсуд, приговорил Синдаровского и Мамрака к высшей мере наказания, а Гавриленко к 5-ти годам заключения.

После вынесения приговора, главной задачей группы, оставшейся на свободе, стало — спасти Синдаровского и Мамрака. Вновь используются старые способы работы. Печатается обращение к учащейся молодежи с призывом устройства массовой демонстрации протеста, собираются подписи. Членами организации устраиваются собрания и нелегальные сходки в некоторых школах 2-й ступени и ВУЗ'ах.

Самим Синдаровским из исправдома, также пишется обращение к студенческой молодежи Краснодара.

Одним словом, организация решила повести за собой всю учащуюся молодежь.

В момент разгара работы группы, органами ГПУ и была раскрыта вся эта „контр-революционная“ организация.

Всего в организации состояло 22 человека. Дело о них слушается в Ростове в Краевом суде.

„Достижение“ калмыцкой автономной области родного языка и письма.

К каждому слуху, исходящему из Родных Краев, мы прислушиваемся с большим вниманием; каждое так редко получаемое с Родины письмо прочитываем с величайшим интересом; как манна небесной ожидаем печатное слово из далекой родной степи, желая найти в нем хотя слабое отражение жизни наших собратьев „там“.

Интерес этот вполне естественен. Но, бывает досадно, когда в так редко получаемом печатном органе находишь слабое отражение жизни своего народа; еще более обидно, когда в печатном органе, именуемом себя калмыцким, находишь извращенное отражение калмыцкой жизни, видишь изуродованную калмыцкую душу.

Таковую именно обиду и боль я чувствую сейчас. Передо мною номер газеты „Танггчин Зянгэ“ (Областное или Народное известие), выходящей в Астрахани, №39-1928 г.

И не знаешь: поражаться ли легкомыслию издателей, так коверкающих свой родной язык, или удивляться их наглости, с какой они обманывают свое партийное начальство, уверяя его, что издадут калмыцкую газету, понятную калмыкам и приближающую их к „светлому учению социализма, коммунизма“.

Каково же впечатление от просмотра этой, с позволения сказать, „калмыцкой“ газеты?

Оно двойное: или ты, в силу продолжительного отрыва от родной массы, забыл свой язык, перестал быть калмыком, или же издатели газеты — большие шутники. К радости нашей, дальнейшее чтение подтверждает второе предположение.

Мне здесь хочется высказать свое мнение по поводу письма, языка и общего направления упомянутой выше газеты.

Не приобщенного к коммунизму калмыка газета эта поражает своим письмом, каким в ней изображаются калмыцкие слова, своим „калмыцким“ языком и тем, о чем она больше говорит.

Начнем с самого письма.

Нам, калмыкам-эмигрантам, давно было слышно, что в Калмыцкой Автономной Области идет борьба за изменение калмыцкого алфавита, что нашлись калмыки, своим умом дошедшие до того, что стали доказывать „несовершенство“ зая-пандитовского калмыцкого алфавита, который будто бы страшно „препятствовал“ им развиваться; эти же деятели доказывали (теперь видимо, окончательно „доказали“), что академическая русская транскрипция, изобретенная специалистами-филологами, тоже несовершенна, также „препятствует“ развитию калмыцкого народа.

Я — не филолог, а потому не могу судить о достоинствах или недостатках того или иного алфавита или транскрипции. Но я, как калмык в достаточной ме-

ре знающий свой родной язык, свое родное письмо, могу сказать одно: письмо, написанное зая-пандитовским алфавитом иначе никак нельзя было читать, как по-калмыцки; точно также человек, усвоивший академическую транскрипцию, письмо, написанное ею, не мог иначе читать, как по калмыцки.

И то и другое совершенно точно передавало все звуки калмыцкого языка. точно соблюдало свойственную природе калмыцкого языка „гармонию“ гласных“ и т. д.

Теперь перед нами более „усовершенствованная“ транскрипция. В ней отброшены все средние неясные гласные звуки; совершенно отсутствует правило „гармонии гласных“: в одном слове совершенно свободно сочетаются гласные переднего и заднего порядка: обилие в словах букв. Например:

„Орчлнг“ (мир), „Ендкг“ (повидимому, долженствующее изображать калмыцкое название Индии), „гардвр“ (только по смыслу целого абзаца можно догадываться, что это означает-руководитель), „арслнгг“ (рубль) и т.д. Есть даже слова, состоящие из одних согласных, чего калмыцкий язык по своей природе не допускает, ибо, даже усваивая иностранное слово, калмыцкий язык, для удобства произношения, обязательно вставляет гласный звук там, где его нет в усваиваемом слове.

Для изображения звука, раньше передававшегося одним знаком теперь ввели двойной знак. Например: вместо ä — яя, вместо ö — ээ, вместо ü — юю и т. д., что совершенно не достигает своей цели, ибо не передает верно того звука, для которого они введены.

Неизбежно необходимый в калмыцком языке знак долготы совершенно отсутствует, без чего получается не чтение, а сплошная догадка. Все это до чрезвычайности затрудняет самый процесс чтения.

Например, без всякого ударения пишут „улсин“, что можно понимать в силу отсутствия знака долготы, совершенно различно: людей или гор (родительный падеж, мн. ч.).

„Новое“ письмо, повидимому, не имеет никаких грамматических правил (буржуазные предрассудки?!), а пишется как Бог на душу положит. Если их и имеет, то данная газета, повидимому, не считает их особенно важным соблюдать, ибо одни и те же слова в разных местах изображаются различно: „ююлин“ (дел), а через пять строк ниже то же самое слово изображается „юлин“ — уже одна гласная пропала.

Я не обращаю внимания на целый ряд совершенно невозможных изображений калмыцких слов которых я отношу к несовершенству типографии и считаю опечатками. В противном случае было бы сплошное издевательства над своим языком.

Таково новое „усовершенствованное“ письмо?

Но еще более удивительное явление — язык газеты.

Это что-то умопомрачительное: какое то уродливое, дубовое смешение тамбовского с рязанским. Кроме невозможной мешанины калмыцкого языка с русским, там есть совершенно в калмыцком языке недопустимые обороты речи, выражения. Например (беру наугад): „комсомолин нерен дерес келжянъяв“, — „хошуда Шамба дерэ негэ и з ба-ч и т а л ь н я бяня“.

Конечно, калмык догадаться может что это означает: первое предложение долженствует выразить „говорю от имени комсомольцев“, но никогда ни один калмык так не скажет. Это неправильный перевод русской фразы на калмыцкий язык (требуется вин. падеж). Если это же самое предложение перевести обратно на русский язык, то получится совершенная бессмыслица: говорю с верши ны (стоя на комсомольских именах) комсомольских имен.

Это в роде того как калмыцкие дети, родившиеся за-границей, говоря по калмыцки, буквально переводят русские фразы на калмыцкий язык. Так, русское выражение „играю на мандолине“ дети в разговоре употребляют в таком буквальном переводе: „мандолин дерэ начанав“, что по калмыцки значит: играюсь (сидя или стоя на ней) на мандолине.

(Окончание следует).

Шамба Балинов.

Сынки и пасынки.

„Эк. Ж.“, 5 октября пишет: „в кубанском округе есть несколько крупных маслобойных заводов, годовая производительность которых достигает 100 тыс. тонн переработки маслосемян. Более крупные и технически совершенные находятся в ведении краевого треста „Севкавказжирмасло“, более мелкие и технически слабые находятся в ведении кубанского окружного треста „Мельмассельпром“.

В ожидании двойной против прошлого года заготовки семян кубанские окружные организации получили разрешение от крайвнутриорга на производство ремонта и пуска стоявшего до сих пор за недостатком сырья маслозавода в станице Усть-Лабинской. Затратили до 500 тыс. руб. Заготовили 5.000 тонн подсолнуха и пустили завод на полный ход.

Но, оказалось что „хозяйном“ в разрешении этого вопроса должен быть не крайвнутриорг, а краевой совет народного хозяйства. Сей последний шлет грозную телеграмму: „Закрывайте завод, — да поскорее!

— Почему?

— Потому, что малый выход масла даете!

После соответственной суматохи в заинтересованных в сохранении Усть-Лабинского маслозавода учреждениях была „справками в конце концов одна лишь истина добыта“: краевой совнархоз покровительствует тресту „Севкавказжирмасло“, а посему и решил „тащить и не пущать“ завод в Усть-Лабинской.

Кубань не поддержала займа индустриализации.

„Эк. Ж.“, 2 октября, жалуется на равнодушие Кубани к займу индустриализации: Если не брать для сравнения Адыгейскую и Карачаево-Черкесскую автономные области, то оказывается, что Кубанский округ стоит на последнем месте в Северо-Кавказском крае по реализации 2-го займа индустриализации.

В то время, как по краю предварительная подписка дала 63%, задания, по Кубани — 49%, от 4.700 тыс., в том числе по Краснодару 70%, задания, по станицам же только 30%. Как образно выражается по этому поводу большевистская газета: „Нужно прямо сказать, что низовой аппарат не справился с задачей быстрой перестройки своей работы под углом массового действия. Преобладает аппаратный способ размещения займа“.

Затруднения Сев.-Кавказских железных дорог.

„Транспортная Газета“, 22 сентября, сообщает, что с самого начала хлебозаготовительной кампании дорога приняла меры к созданию необходимого парка вагонов и благодаря этому хлебные перевозки за 15 дней сентября прошли успешно. На 16-ое имелся недогруз всего в 70 вагонов. Никаких отказов от погрузки заготовителям дорога не делала. Наоборот, хлебозаготовители к настоящему времени не выполнили 21 процента плана.

Заминки в области нефтеперевозок вызывались отсутствием составов из-за неслива в Новороссийске.

Перевозки полностью еще не выправились. Задержка наших составов Закавказской и Юго-Восточной ж. д. повлияли на сокращение перевозки лесоматериалов и сена. По Дербенту долг Закавказских ж. д. на 17 сентября составляет 1.311 вагонов, по Царицыну — 871 вагон. В итоге погрузка в третью пятидневку этих материалов сократилась на 25 процентов.

Затишье в портах.

„Трансп. Газета“, 18 сент., пишет, что в азовских портах всюду слышишь: „ждем зерно“. Но на рейдах — бездействие. Затихла также батумская линия. Затихли также и междупортовые перевозки в пределах Азовского моря. Причина — отсутствие промышленных товаров, а также исключение из плана перевозок экспорта хлеба.

Рефрижератор „Дон“.

Интереснейшую историю рассказывает „Транспор. Газ.“, 11 сент., о рефрижераторе (охладителе) „Дон“. Его купили в Германии по настоянию северо-кавказского крайторга. Золотом заплатили за „Дон“, чтобы вывезти за границу северо-кавказскую битую птицу и рыбу, превращая ее в полноценную иностранную валюту. Первый заграничный рейс „Дона“ сошел благополучно, хотя специалисты клянутся, что этим они обязаны только „чуду“. Охладитель перевозил парную рыбу, несмотря на то, что его охлаждающие камеры способны сохранять в должном виде только охлажденные скоропортящиеся товары.

Однако, в Ростове решили, что чудеса бывают не только в решете, но и на „Дону“. Поэтому и во второй рейс „Дон“ нагрузили парной рыбой и позорно провалились.

После этого „Дон“, как охладитель, был законсервирован. Теперь его починили, но товаров для перевозки не оказалось.

В настоящее время в Ростове бьются над тем, как бы эту дорого стоящую игрушку использовать по прямому назначению. И здесь опять начинают мудрствовать лукаво. Крайторг имеет заказ из Греции на свежую рыбу. Он намерен переотправить партию парной рыбы „Доном“. Но контора торгового флота сообщает, что может повториться старая история с отправкой рыбы на дно Босфора.

Не исключена возможность, что Крайторг будет перевозить в охладителе муку и камни, один из которых ляжет могильной плитой на охлаждающие камни „Дона“.

Из письма с Кубани.

... И все, как какая напасть у меня случится, я вам и жалеюсь — хоть так душу отвожу, здесь же вступить за меня не кому. Вот и теперь новое заключение — зима на носу, а меня на старости лет выкидают из моего угла в девять квадратных метров. Вышло такое постановление — высылать „частников“ из коллективных домов, а я с тех пор, как нас из родного дома в станице выжили, запряталась в городе. Дочка, моя кормилица, на службу поступила, вот и удалось нам, как служащим, поместиться в „коллективном“ доме, тоже так как и мой, национализированном.

Дали нам чулан, на двоих, девять метров квадратных, по жилищной норме, темный, окно выходит в коридор, а тот напротив стены и на северную сторону, печки нет, ходить через чужую комнату, собачий ящик какой то, а не квартира, все зимы только тем и отогревались, что все тряпье на себя надевали. Спасибо хоть дешево — сначала рублевку в месяц платили, а потом стали набавлять, хоть бы было за что.

Раньше то хоть жильцы приличные были, все служащие, а потом меняться стали, пришли мастеровые, рабочие, а с ними пьянство, драки, матерщина; как полчка так дым столбом стоит и все по нашей части — интеллигенции да казачеству прохаживаются, на детей нуль внимания и дети так же матюкаются.

Трудно было, доносы, в суды тягали, сколько горя да неприятностей вытерпели, да слава Богу, как невинны были так и остались.

А потом дочку уволили, уехала она и осталась я одна одинокая, а с тем и в „частницы“ перешла.

Летом платила еще трешку в месяц, а потом комитет сказал, что прибавят, соседка одна донесла, что мол, меня дети поддерживают. Я так и думала, на осень пошла платить и рублевку лишнюю припаса, а они с меня по 85 коп. за квадратный метр посчитали и заплатила я за свою собачью конуру больше семи с половиной.

— Бойтесь Бога, говорю — да я в месяц 12—15 рублей на все свое житье получаю, сами же контролировать можете, вся почта через ваши руки проходит...

— Не те времена теперь, что б Бога бояться, — отвечают — да опять вы же и частный человек на октябрь еще прибавка будет, всего десятку отдадите!

Хоть плачь... А не плачу, стану я у скотов милости просить; пошла, а соседка одна и кричит мне вслед — „подождите, скоро частников совсем выселять будем, довольно паразитами в пролетарских домах сидели...“
Вот и выселяют...

Хроника.

Азов. Осенняя путина на Дону началась при чрезвычайно благоприятных условиях. Но так как Северо-Кавк. жел. дорога не дает вагонов, гибнут тысячи пудов рыбы.

Ростов-Дон. При апелляционной комиссии при КрайОНО рассмотрено 530 заявлений выдержавших экзамены, но не принятых в ВУЗЫ. 25 человек из этого числа признано заслуживающими зачисления по своему социальному положению.

— На улицах Ростова имеется еще свыше 200 безпризорных детей.

— В Ростове имеется свыше 10.000 человек неграмотных.

Ейск. При помощи аэроплана „Красная Башкирия“ и произведенных им воздушных снимков точно измере-

но свыше 2.000 кв. кил. прикубанских степей в Куцеском районе.

— На днях исполнилось 80 летие со дня основания города Ейска. Местный музей и краеведческое О-во отмечают юбилей, — художественной выставкой и рядом докладов.

Грозный. Крестьянство совершенно не интересуется подпиской на заем и ничего о нем не знает. В то время как рабочие подписались уже на 750 тысяч, крестьяне не дали и 100 руб.

— На Вознесенских нефтепромыслах Грознефти ударил мощный газовый фонтан. Силой газа 100-пудовые буровые инструменты выбрасывались из скважины на высоту 40 сажень.

Розыски.

Александр Ив. Болотенко (адрес имеется в редакции) „В. К.“ разыскивает казака ст. Полтавской Николая Семеновича Старцева, выехавшего в 1920 г. из Крыма в Бизерту.

От редакции. Утеряна круглая каучуковая печать редакции „В. К.“ Во избежание возможных недоразумений, объявляем ее недействительной. Новая печать редакции и администрации „В. К.“ в силу тех же соображений имеет не круглую, а овальную (эллипсоидальную) форму.

ПРИ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВЕ „ХУТОР“
ОТКРЫТЫ С 1-го НОЯБРЯ 1926 г.

Курсы

заочного обучения

по сельскому хозяйству и кооперации,

имеющие целью дать возможность изучить отдельные отрасли сельского хозяйства и кооперации лицам не имеющим возможности получить систематическое, школьное с.-х. образование. При прохождении курсов, каждый учащийся снабжается соответствующими учебниками и руководством к их пользованию, при чем весь материал располагается в виде отдельных уроков. Руководство к каждому уроку с пояснениями и вопросами высылается по почте учащемуся, с коим устанавливается личная переписка для инструктирования.

В первую очередь открыты следующие курсы:

1. Основы земледелия.
2. Молочное хозяйство.
3. Краткий курс плодоводства, огородничества и ягодоводства.
4. Культура кукурузы и ее использование.
5. Счетоводство Кредитного Кооператива.

За каждый курс устанавливается плата соответственно его объема и стоимости учебных пособий.

Интересующихся курсами просят обращаться за более подробными справками по адресу:

„ХУТОР“, Прага-Жижков. Ягеллонская ул. 24.
Ч. С. Р.

Открыта подписка

на двухнедельный журнал литературный и политический

„Вольное Казачество“ Вільне Козацтво“

Условия подписки:	на 3 мес.	на 6 мес.	на год.
В Чехословакии	18 кр.	35 кр.	60 кр.
В Польше	4,5 зл.	8 зл.	15 зл.
В Югославии	25 дин.	40 дин.	80 дин.
В Болгарии	50 лева	80 лева	150 лев.
Во Франции	15 фр.	25 фр.	40 фр.
В других странах	75 ам. ц.	1 ¹ / ₂ ам. д.	3 ам. д.

КОНТОРА: Praha-Žižkov, Jagellonská 24, Tchecoslovaquie.

Цена отдельного № в розничной продаже:

В Ч.С.Р.	3 кр.	В Болгарии	10 лева
В Польше	0,75 зл.	Во Франции	2 фр. 50с.
В Югославии	5 дин.	В других странах	15 ам. ц.